

Интервью с академиком РАН, профессором М.Л. Титаренко
Interview with professor Mikhail L. Titarenko, Academician, RAS

Выполнено при поддержке международного гранта РГНФ – Национальный Научный Совет Тайваня (ННС) 2014, проект № 12-21-10000, 8122100100007

Supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation – National Scientific Council of Taiwan (NSC), the international research grant "China Studies – the Epistemology of the oral history, project № 12-21-10000, 8122100100007

<p>Михаил Леонтьевич Титаренко (Т) Китаевед, профессор, академик РАН Место интервью: Тайбэй, КР Дата интервью: 3, 5 ноября, 2013</p> <p>Запись интервью: Головачёв В.Ц. (Г) кин, ИВ РАН, Дмитриев С.В. (Д), кин, ИВ РАН, Кузнецова-Фетисова М.Е. (КФ), ИВ РАН Комментарии: Головачёв В.Ц, Кузнецова- Фетисова М.Е., Адамс Ольга Продолжительность: 5 часов Объем: 215855 зн. с пробелами, 5,4 ал., 120 с.</p>	<p>Mikhail L. Titarenko Sinologist, professor, Academician, RAS Place: Taipei, ROC Date: Nov. 3,5, 2013 Interviewed by: Valentin Golovachev (PhD), Institute of Oriental Studies, RAS, Sergey Dmitriev (PhD), Institute of Oriental Studies, RAS, Marina Kuznetsova-Fetisova, Institute of Oriental Studies, RAS Comments by: Valentin Golovachev, Marina Kuznetsova-Fetisova, Olga Adams Duration: 5 hours Volume: 120 pages (with comments)</p>
--	--

Михаил Леонтьевич Титаренко (27.04.1934, Лакомая Буда, Брянская область) Китаевед, востоковед, известный исследователь философии и духовной культуры Китая, международных и межцивилизационных отношений в Северо-Восточной Азии, проблем нового евразийства и связей России с её дальневосточными соседями. Окончил философский ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова (1957), философский факультет Фуданьского университета (Шанхай, КНР, 1961). Директор ИДВ РАН (1985). Членкор РАН (1997), академик (2003). Президент Всесоюзной ассоциации китаеведов АН СССР/АКИТ РАН (1988-1998), академик китайской дружбы (1995), почётный исследователь Гаванского института Азии (Куба), почётный доктор Ханьянского (Республика Корея) и Цзилиньского (КНР, Чанчунь) университетов, почетный профессор Хэйлуунцзянской академии общественных наук (КНР, Харбин) и Шаньсийского университета (КНР), советник Международной конфуцианской ассоциации, вице-президент и председатель российского филиала Международной ассоциации по изучению китайской философии (США), член Европейской ассоциации китаеведов.

Награжден двумя орденами «Знак Почета» (СССР, 1976, 1984), орденом Почёта (РФ, 1999), орденом «За заслуги в дипломатической службе» (Республика Корея, 1999). Заслуженный деятель науки РФ (1995), лауреат премии имени Е. В. Тарле (РАН, 2000). Указом Президента РФ от 14 февраля 2009 г. Михаил Леонтьевич Титаренко награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени. Лауреат Государственной премии РФ за 2010 г.

Полный текст интервью (Interview, Full text)

Т: Итак, «господа присяжные заседатели, следствие началось»!

Д: Да, и «всё, что Вы скажете, может быть использовано против Вас». Вам ведь прислали вопросы, да?

Т: Да, прислали, я ответил на первую часть вопросов, если хотите, я вам зачитаю текст, я даже написал его.

Г: Может быть, начнем неформально?

Т: Пожалуйста.

Г: Мне кажется, очень интересны сами обстоятельства нашей встречи: нам пришлось прилететь из Москвы в Тайбэй, чтобы встретиться и записать это интервью.¹ И сколько времени для организации этой встречи ещё потребовалось, как будто мы так далеко живем друг от друга!

М.Л: Да, действительно.

Г: Тем не менее, это очень счастливый случай, и мы ему очень рады. Михаил Леонтьевич, Вас, конечно, не надо представлять как учёного ни в России, ни в Китае. Но, с одной стороны, аудитория нашего проекта очень обширна, уже двадцать стран охвачено. А, с другой стороны нам, конечно, интересно, как герои наших интервью сами себя идентифицируют. Как бы Вы представились, для начала?

Т: Я – человек, вся жизнь, вся судьба которого, наверное, уже до конца моих дней, неразрывно связана с Китаем, который стал моей второй родиной. Китай оказался для меня «счастливой звездой»: и для моей семьи, и для меня лично. Я очень рано, еще в детстве, в возрасте двенадцати лет, начал проявлять большой интерес к Китаю. Но в этом была не моя личная заслуга, а заслуга замечательной нашей российской школы, тогда еще советской, и моих учителей. Мне кажется, мой интерес к Китаю начался с 1946 года.

Г: А с чем связана эта дата?

Т: Связана она с моим обучением в шестом классе. Тогда в хорошей школе в учениках уже в этом возрасте пробуждали гражданскую позицию и интерес не

¹ Столица Китайской Республики (Тайвань)

только к личным, но и к большим делам – к тому, что происходило вокруг нас. У меня была замечательная учительница в нашей сельской школе в селе Шелаболихе Алтайского края.

Г: Вы жили в Брянской области?

Т: Нет. Я родился в Брянской области на границе трех республик: России, Украины и Белоруссии, и моя матушка разговаривала на трех языках одновременно.

Г: На трех славянских языках...

Т: Да. Она говорила так: грамматика русская, а слова употребляются одновременно русские, украинские и белорусские. И если прислушаться к ее обычной речи, это был словно бы разговор Тарапуньки и Штепселя² в одном лице. Отец мой был человеком большой жизненной закалки, участвовал в Первой мировой войне, трижды был пленен немцами и трижды бежал, был участником Февральской революции 1917 г. Очень он «горячо любил» Германию, был политически очень подкованный и пользовался большим авторитетом в колхозе. Отец был на двенадцать лет старше моей матери, первая жена его умерла при родах. Когда мне было лет семь, может, чуть больше – лет десять, мать рассказывала мне про слова отца, который всегда повторял, что Германия готовит нападение на нашу страну. А жили мы в Климовском районе Брянской области, сейчас это самый зараженный (радиацией) после Чернобыля район Брянщины. Как раз тогда Сталин начал политику подъема Сибири и Дальнего Востока, которая в жизни шла двумя путями, если можно так сказать: законным и незаконным. Законный путь – это когда в те районы отправлялись переселенцы, а другой путь – это ГУЛАГ. Ну, о ГУЛАГе мы, естественно, ничего не знали, понятия не имели. Так вот, родители поехали в Алтайский край, и там им очень понравилось село Шалаболиха, стоявшее на берегу Оби... Большое село, очень богатый колхоз. В общем, понравилось.

Г: И ваши родители решили уехать в Сибирь?

Т: Да, все решили ехать – всем нашим колхозом. Вспоминая об этом, когда выступаю в Думе, я объясняю, как нужно проводить политику заселения Сибири. По сути, Сталин повторил вариант, предложенный Столыпиным и Витте³. Оплачивал ВСЁ. Можно было дом разобрать по бревнам, погрузить на поезд, и всё это бесплатно доставлялось. И вот, мы приехали в Сибирь, в Алтайский край. Вернее, нас привезли полностью за государственный счет. Мы

² Популярный в 1970-х гг. в СССР эстрадный дуэт двух комиков, народных артистов Украинской ССР: Ефима Березина и Юрия Тимошенко

³ П.А. Столыпин (1862-1911 гг.), С.Ю. Витте (1849-1915 гг.) – известные государственные деятели царской России

приехали в готовый дом, но это был дом раскулаченного... Богатый, хороший дом, до сих пор стоит: сибирский дом из лиственницы...

Г: Представляю!

Т: Он будет еще сто лет стоять. Огород сорок соток – почти полгектара. Освобождение от налогов на пять лет. Выдали нам сразу же корову, свинью, и пособие на обустройство.

Г.: Всё в лучших традициях России «до 1913 года».

Т: Совершенно верно, точно так же и было сделано! Мы и поселились.

Г: Сколько вам лет тогда было?

Т: Мне было шесть лет.

Г: Вы помните, как переезжали?

Т: Конечно, помню! У меня от Москвы осталось очень яркое воспоминание, когда мой старший брат возил меня на станцию метро «Киевская», и там мы спускались по «лестнице-чудеснице». Так я впервые увидел этот самый эскалатор. У меня до сих пор все это в памяти... Ехали мы поездом, который назывался «пятьсот-веселым»: целый месяц ехали, на каждой станции бегали за кипятком. Вот, вы сейчас уже и не знаете этого.

Г: И в туалет на станциях бегали?

Т: И в туалет, естественно. Так что, приехали мы в Сибирь в мае сорокового года, а через два месяца мой отец умер. А еще через год началась война. Мой брат ушел добровольцем на фронт, его сразу отправили учиться в танковое училище. Вообще, семья моя была очень политизированная, но в очень хорошем смысле этого слова.

Г: Патриотичная.

Т: Да, родители обладали и передали нам, детям, очень ярко выраженную гражданскую, патриотическую позицию. В память об отце брат Сергей Леонтьевич ушел на фронт, а сестра, следуя примеру брата, с десятого класса бросила учебу и уехала работать на военный завод в Барнаул. Мы остались с матерью вдвоем. Сорок первый год. Мне семь лет. И все домашнее хозяйство на мне. Мама вставала в четыре утра, готовила мне «затируху», в пять утра уходила в колхоз, в одиннадцать часов возвращалась. Мне нужно было встретить корову, отнести и сдать молоко: «Всё для фронта, всё для победы!» Мы почти все молоко сдавали. У нас и куры были, и нужно было сдать государству 400 яиц в год.

Огород был у нас с картошкой – половину картошки тоже сдавали государству. При этом у нас в селе Шалаболиха была прекрасная средняя школа. Великолепные учителя были! Вот, сейчас вспоминаю этих учителей... Чудный

историк – Августа Анисимовна! Уже после Второй мировой войны в Китае шла гражданская война, был большой подъем революционного романтизма. И она с таким энтузиазмом нам об этом рассказывала! У нее был свой метод: она периодически давала ученикам задание подготовить краткую информацию по тому или другому вопросу. Мне было поручено подготовить информацию о том, как Народно-освободительная армия штурмует Янцзы.

Г: И как же Вы готовились? Это же деревня! Там, наверно, литературы не было никакой? По радиопередачам готовились?

Т: Газеты и радио! Приходили газеты. И вот, я по этим газетам, по радио, ну и, естественно, с помощью нашей замечательной учительницы, готовил информацию, которую потом, подражая ей, рассказал с таким же энтузиазмом своим одноклассникам и всем вокруг. Потом и в колхозе она меня просила об этом рассказать: она была агитатором, а колхозники тоже интересовались китайской революцией. Потом я уже завел карту, на которой отмечал, как продвигается Народно-освободительная армия...

Г: Так и сложился Ваш первый образ страны – героически сражающийся Китай...

Т: Да, героический Китай! Представлялось, что там происходит что-то подобное нашей гражданской войне, что Мао Цзэ-дун⁴ – это такой «аналог» нашего Чапаева... Буденного, может быть. Вот, так и возник мой первый интерес к Китаю.

Г: Интересно Ваше представление о Китае того времени было связано только с коммунистами, или это был весь Китай, как одна большая страна? Может, и Гоминьдан там как-то присутствовал?

Т: Это был «красный» Китай! А вот какой он по сути был – коммунистический или какой другой... Китай был просто «красным»! Образ Китая был энергичным, революционным и романтическим. Настроение в нашей стране переносилось туда: наши песни и все прочее, такой же был огромный подъем в стране. После войны в СССР был же колоссальный подъем, он во всем чувствовался. Но вскоре вернулся мой брат. Особо хочу отметить, что его приезд был очень важным для меня. Представьте, только четыре года войны. Представьте мать, которая получает ТРИ похоронки. Брат был танкистом. Сражался на трех танках: на КВ, на ИСе и на Т-34. В каждом из них он горел. Горел, а после этого еще лежал в куче трупов... Но фронтовые врачи были

⁴ *Мао Цзэ-дун* 毛泽东 (1883-1976, м.р. Хунань). Один из основателей и лидеров коммунистического движения в Китае. После 1949 фактический руководитель КПК и КНР. Объект «культы личности»

настолько ответственными, что, прежде чем хоронить в братской могиле, каждого проверяли. Если были какие-то признаки жизни, даже не пульс: зеркало подносили, и если оно хоть чуть запотевало, отправляли срочно в госпиталь. Но куча-то убитых была! И на всех, кто был в куче, выписывали похоронки. «С прискорбием извещаем, что ваш сын пал смертью храбрых, героически сражаясь...»

А через полгода получаем письмо: «Мама, я жив». То есть его спасли. Он опять идет на фронт! Опять горит. Опять получаем похоронку. Последняя похоронка пришла в начале сорок пятого года. А в сорок шестом году он объявился! То есть, его восстанавливали, лечили почти целый год.

Г: Выходит, его никто не ждал уже?

Т: Никто уже не ждал! Дома он тоже совершенно без предупреждения появился... Но там, видимо, чувствовали, ЧТО такое это было для матери... Короче говоря, мы переехали в Барнаул, и я пошел в другую школу, в барнаульскую семилетнюю школу № 13. Там мне тоже крупно повезло: в школе оказался замечательный педагогический коллектив и, опять, чудесная историчка. Ну, в общем, никаких особенных событий не произошло, я закончил школу в 1949 году...

Г: И, наверно, 1949й год еще добавил Вам энтузиазма: ведь все внимание было на Китае?

Т: Да, да. Брат снова вернулся в армию: он уже окончательно связал с ней свою судьбу. Служил на Дальнем Востоке в гвардейской танковой дивизии. А в 1950м году находился в Китае. Мы и не знали, где он находился. Его гвардейская танковая дивизия стояла у реки Ялуцзян. Это было время корейской войны. Об этом ничего не сообщали, но вся их танковая дивизия три года – до конца 1953 года – стояла в Китае.

Г: Выходит, Ваш брат долгое время провел в Китае?

Т: В каком-то смысле. Мне это прибавило энтузиазма, интереса. Но я поступил в Барнаульское педагогическое училище. Вот об этом, конечно, стоит сказать, потому что училище было очень интересное. Находится оно в центре города Барнаула. Вернее, находилось, я не знаю, где оно расположено теперь.

Барнаульское педучилище было основано в первые годы после Октябрьской революции, и оно сыграло очень большую роль в ликвидации неграмотности в Сибири. Училище было основано на базе образцового лицея, созданного еще на средства промышленника Демидова. Ему отвели прекрасное здание, построенное из лиственницы. Представляете, какой был пожар, когда эта лиственница горела?

Г: Училище сгорело?

Т: Сгорело, его сожгли! Я недавно ездил туда, мне об этом рассказали, я видел это пожарище. И что там теперь? Торговый центр! Вот, так... В этом еще, можно сказать, дореволюционном училище я и учился. Оно унаследовало старую библиотеку «демидовского» лицея. И в этой библиотеке было два отдела: обычный советский отдел, не особенно популярный. А был еще закрытый отдел – старая библиотека лицея.

В Барнауле я опять встретился с чудесными педагогами-подвижниками, настоящими русскими интеллигентами. Вообще, все педагоги были замечательными! Предмет педагогики у нас вел выдающийся деятель, заслуженный учитель СССР Антон Ануфриевич Вадимов. Он очень увлекался своим предметом, его любимыми педагогами были Каменский (великий чешский педагог) и древнекитайский философ Конфуций. Их теории он с большим личным энтузиазмом преподносил нам, слушателям. Также он очень высоко ценил Песталоцци. Это действительно мировые фигуры. Из наших отечественных педагогов для него самым уважаемым был, конечно, Дмитрий Ушинский. Когда А.А. Вадимов читал нам историю педагогики, он, поскольку откуда-то знал, что я увлекаюсь Китаем, читаю книги, поручил мне подготовить доклад о педагогических взглядах Конфуция. Я был большим книголюбом, у меня были очень хорошие отношения с библиотекарем: она давала мне ключ, когда уходила с работы, и я в библиотеке был полным хозяином. Конечно, я прежде всего хозяйничал в закрытом лицейском отделе. Там и находил книги, о которых говорил мне Антон Ануфриевич: «Пойдешь в библиотеку, скажешь, что это поручение от меня, и чтобы тебе выдали Конфуция в переводе Петрова, 1911 года издания, и Мэн-цзы – того же переводчика».

Г: Удивительно, что это там было. И что преподаватель знал об этом!

Т: Было! И преподаватели училища этим пользовались! Там [в библиотеке] были труды Георгиевского, Бичурина⁵...

Г: То есть, это была «демидовская кузница» знаний и кадров.

Т: Вы знаете, наши русские капиталисты, тот же Демидов, были и подвижниками тоже: людьми, которые думали не столько о кармане, сколько о служении Отечеству и ДЕЛУ! Поэтому неудивительно, что в Барнаульском лицее была прекрасная библиотека! В общем, я подготовил доклад. Пока я его

⁵ Бичурин Иакинф (1777-1853 гг.) – основоположник российского китаеведения. Георгиевский С.М. (1851-93 гг.) – китаевед, первый российский специалист по истории древнего Китая

готовил, впервые столкнулся с не политизированным, а настоящим историческим текстом. Меня это очень увлекло, и я стал постоянным читателем и ночным, как говорится, бдителем-сидельцем в этом ночном отделе. Единственным, собственно говоря. И все знали, где искать Мишу: Мишу надо искать в библиотеке, где он сидит где-то в углу и читает очередную книгу о Китае. Когда в 1953 году было заседание педсовета по поводу распределения выпускников, педсовет принял решение «рекомендовать Михаила Титаренко для продолжения учебы». И когда мне вручал диплом наш директор Иван Григорьевич Попов, он сказал: «Ну, Михаил, звать-то тебя теперь будут Михаил Леонтьевич! Михаил, я тебе советую, и это мнение нашего педсовета – продолжить учебу. И было бы лучше всего, если бы ты поступил на философский факультет Московского Университета».

Г: Прямо так и сказали, куда поступать?

Т: Да, да! Даже было сказано, куда мне поступать.

Г: Ну, от такого напутствия невозможно было отказаться!

Т: Совершенно верно! Ну, я конечно, домой летел как на крыльях! Мы жили с мамой. Более чем скромно жили. Я в педучилище получал именную стипендию имени Чернышевского – целых сорок рублей. Хотя по тем меркам это были небольшие, но, в общем, приличные деньги! Почти зарплата. Я тут же направил свои документы в Московский Университет. Почта тогда работала не так как сейчас, а намного лучше. Но, все равно, на день она опоздала.

Г: В приемную комиссию, в срок принятия документов?

Т: Да, мои документы пришли на день позже, когда прием документов был закончен.

Г: И что же вышло?

Т: А я прибыл в тот же самый день, когда они поступили! Когда я пришел в здание, комиссия уже разбирала дела, и говорят мне: «Извините, пожалуйста, мы очень сожалеем, что у вас так получилось, но мы ваш вопрос решить не можем». Одна женщина, человек из приемной комиссии, говорит: «Вам может помочь только один человек: идите на прием к Ивану Григорьевичу».

Г: К ректору?

Т: К ректору. Ну, я набрался смелости, и пошел.

Г: Тогда еще можно было пойти и попасть на прием к ректору!

Т: Да! Представьте: я пришел на прием к ректору. Вот в приемной сидит генерал, сидит полковник, сидят еще какие-то очень солидные дяди. И, вот, захожу я в очень скромной одежде, худющий, просто ходячий скелет, высокий, такой сибирский товарищ.... Мне действительно везло на хороших людей! Эта

женщина из приемной комиссии, которая мне порекомендовала пойти к ректору МГУ, позвонила в приемную и сказала, что «к вам придет молодой человек, документы которого пришли с опозданием. Он отправил их вовремя, но почта их задержала, и все прочее... В общем, помогите, чтобы его принял ректор». Вот, я в приемной, сижу-жду. Ректором в то время был Иван Георгиевич Петровский – наш знаменитый математик. Он трагически умер, прямо на ступенях пятого подъезда ЦК КПСС после очень неприятного разговора с Трапезниковым.⁶ Напротив, в приемной – всякие товарищи полковники, генералы и прочие сидят, и все ходатайствуют о своих детях, которые не сдали экзамены или не прошли по конкурсу. А у меня красный диплом об окончании училища, и в те времена я должен был быть зачислен без экзаменов, пройдя только собеседование. В общем, я дождался своей очереди, а Петровский посмотрел на меня усталым взглядом и спрашивает: «А у тебя что?» Я говорю, так мол и так. А он спрашивает: «А зачем ты вообще хочешь пойти на этот факультет? Что тебе нравится?» Я ему рассказал, что мне очень нравится китайская философия. И вообще, я считаю, что философия помогает выбрать правильный жизненный путь... Короче говоря, я изложил свое понимание вопроса, свое к нему отношение. Говорил о том же, о чем сейчас говорю. Он помолчал, потом снял телефонную трубку и позвонил на философский факультет. Деканом был профессор Молодцов Василий Сергеевич, и он говорит: «Василий Сергеевич, у вас как там, все места заняты?» Тот отвечает: «Все забиты», а Петровский говорит: «Если у вас место освободится, тут у нас сидит один молодой человек из Сибири, посмотрите на него». Короче говоря, меня отправили на собеседование к В.С. Молодцову, и он говорит: «Приходите завтра, будет известен результат». Я утром пришел, смотрю в список, который вывешен на стене – моей фамилии нет. Я пошел к декану, спросить, забирать ли мне документы, а он говорит: «Подождите, это список первоначальный, позавчерашнего дня, но он оформлен только сейчас. Может, будут изменения. После десяти будет вывешен окончательный список». Ну, я сижу – ни жив, ни мертв, переживаю. Вот уже десять часов... Гляжу – допечатана моя фамилия! Вот, так я стал студентом философского факультета! Мой интерес к Китаю не угас. На первом курсе мы должны были писать курсовую работу по логике. А на втором курсе можно было свободно выбирать тему по истории философии. И, конечно, я выбрал китайскую тему. Моя

⁶ С.П.Трапезников (1912-84 гг.) – заведующий Отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПСС

курсовая работа была посвящена моему любимому «товарищу» Лаоцзы и называлась «Диалектика Лао-Цзы».

Г: Какие же материалы Вы использовали?

Т: Я перелопатил, собственно говоря, все, что было издано на русском языке по китайской философии. Я был постоянным читателем и нашей университетской библиотеки, и Ленинской. Там за мной было даже закреплено место. Тогда читальный зал был в самом красивом здании Москвы – в Доме Пашкова. И, конечно, все время заглядывал в Армянский переулок, в синологическую библиотеку. Хотя тогда это была библиотека МИВ – Московского Института востоковедения. И, готовясь к написанию этой работы, я все книжки по китайской философии переписал – и из Ленинской библиотеки, и из библиотеки МГУ, и из Армянского переулка... В общем, всё, что было. Из всего, что мне попало, я составил особую библиографию. Она получилась толстая, примерно половина этой тетрадки (демонстрирует). Так и называлась «Труд, написанный о китайской философии». И я везде по библиотекам ходил с этой тетрадкой под мышкой, и меня пропускали. И вот, однажды в синологической библиотеке, хотя тогда она называлась не синологическая, а библиотека Института востоковедения в Армянском переулке, ко мне подошел седой, высокий такой худой человек: «Молодой человек, вы что ищете?». «Да я вот тут заканчиваю библиографию, ищу все работы по китайской философии». «А зачем это вам?» «Работу, вот, пишу...» Он заинтересовался. Это оказался Петр Емельянович Скачков – наш великий библиограф.⁷ «Покажи мне свою тетрадку!» – взял, значит, мою тетрадку, посмотрел, говорит «Да-а...» Очень меня похвалил: «Молодец, что составил такую библиографию. А ты мою библиографию не читал?» Я говорю: «Нет, к сожалению». Он говорит, мол, ничего удивительного, что я не читал: она очень ограниченным тиражом вышла, отпечатанная на стеклографе. А потом сказал: «Как закончишь тут свои поиски, я тебе на столе в углу оставлю свою библиографию, ты можешь ею пользоваться, только здесь, никуда не забирай». Я его поблагодарил, и, конечно, знакомство с П.Е. Скачковым помогло мне закончить эту свою так называемую библиографию.

Г: Вас удивило, что вот так, случайно, Вы встретились с ним в библиотеке?

Т: Нет, не удивило. Для меня это стало таким очень мощным внутренним толчком, подтвердившим, что я иду по правильному пути.

⁷ Скачков П.Е. (1892-1964). Китаевед, составитель известной библиографии Китая (см. Библиография Китая. – М., 1960). К.э.н., научный сотрудник ИВ АН СССР (1930-1964)

Г: А ведь это, наверное, был первый знакомый Вам китаист. Ведь на философском факультете не было еще специалистов?

Т: Нет, на философском факультете никого не было, лекции по китайской философии нам никто не читал. Вообще говоря, о китайской философии повторяли гегелевскую формулировку, что Китай «беден духом». Учебником для меня в то время была, конечно, книжка Ян Хин-шуна,⁸ его перевод «Даодэцзина». Мое потрясение связано с этой книгой. И здесь библиография Скачкова сыграла ключевую роль, потому что в ней я нашел книжку, вернее, не книжку, а ученые записки Томского педагогического института, в которых был опубликован перевод трактата «Иньфуцзин», а записки эти были 1946 года. До знакомства с библиографией Скачкова я о существовании этого трактата и наличии его перевода, к сожалению, не знал. Это был для меня очень важный момент, потому что он помог мне закончить курсовую работу. Она была очень высоко оценена. Я об этом не стал бы говорить, если бы не одно обстоятельство: когда я писал свою работу, сравнивая перевод «Даодэцзина» Ян Хин-шуна и перевод трактата «Инь фу цзин» («Канон тайных знаков») А.В. Маракуева,⁹ получалось, что, согласно официально принятой тогда версии, «Иньфуцзин» относился к более раннему периоду, то есть был написан раньше, чем «Дао дэ цзин». Но идеи, которые присутствуют в «Инь фу цзине», в некотором смысле выше, более совершенно сформулированы, чем в «Дао дэ цзине», более четкие. В общем, у меня возникло сомнение, как говорится, «вас ис дас», в чем дело? А в это время у нас был очень популярен великий китайский историк и философ, археолог Го Мо-жо¹⁰ – активный борец за мир, лауреат Ленинской премии мира. Повсеместно активно издавались рефераты его трудов. В реферативных сборниках, которые издавались ИНИОМом¹¹ (он тогда по-другому назывался), печатались подробные рефераты книг Го Мо-жо. Я уже все эти рефераты, как говорится, наизусть знал: «Эпоха рабовладельческого строя», «Десять критических статей» и другие. Короче говоря, на основании рефератов, которые я вычитал, мне стало понятно, что

⁸ Ян Хин-шун (1904-1989). Китаевед, доктор философских наук (1968). Сотрудник института философии АН СССР с 1948

⁹ А.В. Маракуев (1891-1955) – востоковед-энциклопедист. Долгое время работал на Дальнем Востоке России, Северо-Восточном Китае. Прodelал колоссальную работу по каталогизации источников на восточных языках библиотеки Восточного факультета ДВГУ (бывшего Восточного института)

¹⁰ Го Мо-жо (1892-1978) – китайский писатель, поэт, историк, археолог и государственный деятель, первый президент Академии наук КНР (1949-1978)

¹¹ ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам РАН

единственный человек, который мне может рассказать, что и как, это товарищ Го Мо-жо. Я набрался нахальства и написал ему письмо.

Г: Ого! А на каком языке, на русском?

Т: На русском, конечно, я же китайский не знал, китайский только начал самостоятельно изучать.

Г: А адрес? Мы еще поговорим про китайский язык, а адрес Вы как написали? «Китай, товарищу Го Мо-жо»?

Т: Адрес – в чисто чеховском стиле! Как «на деревню дедушке»: «Китай, Пекин, академия наук Китая, академику Го Мо-жо», вот и весь адрес.

Г: Сразу вопрос: дошло?

Т: ДОШЛО! Конечно, ребята, мои коллеги, товарищи по группе посмеялись: «Будет он твои письма студенческие читать». Но письмо дошло, и ответ я получил. Давно это было, много было переездов. В общем, я письмо это потерял. Но, конечно, оно сыграло решающую роль в том, что я стал китаистом.

Г: Вы имеете в виду свое письмо или ответ?

Т: И ответ, и то, что я набрался смелости, так сказать...

Г: Так что же Вы написали?

Т: Я написал письмо очень короткое: «Уважаемый академик Го Мо-жо! В наших реферативных журналах много пишут о Ваших очень интересных трудах. Я познакомился с ними, поэтому решил обратиться к Вам. У меня возникли сомнения и неясности относительно того, насколько достоверно определено время написания трактата «Инь фу цзин», поскольку, как мне кажется, некоторые идеи, представленные там, являются более поздними, последующими «Даодэцзину», а не предшествующими ему». Письмо было написано где-то в начале 1956 года. В мае 1956-го года я получаю ответ от товарища Го Мо-жо, на одной страничке. Написано на китайском языке, конечно. Оно где-то потерялось. Вот так бывает: уедешь на много лет, потом приедешь, а все растеряно – нету! В письме было следующее: «Дорогой советский молодой друг, спасибо за Ваше письмо! Это очень хорошо, что вы проявляете интерес к китайской философии, для меня это очень радостно. Что касается вашего вопроса по поводу аутентичности трактата «Иньфуцзин», то Ваши сомнения обоснованы: книга относится к значительно более позднему периоду. По моему мнению, она относится к 3-5 веку НАШЕЙ эры». А там ее относят к 7 веку ДО нашей эры!

Г: Неверная датировка?

Т: Почти на тысячу лет расхождение! «... Но, тем не менее, книга представляет практический интерес и научную ценность как источник, в котором излагаются и развиваются взгляды даосской школы. Что касается Ваших занятий и мечты заниматься китайской философией, это дело очень хорошее! Но я хотел бы Вам по-дружески сказать: китайской философией можно по-настоящему заниматься, только если вы хорошо овладеете современным и ДРЕВНИМ китайским языком (*вэньянь*). Поэтому, если Вы серьезны в своих намерениях, и это не просто увлечение, которое тоже весьма похвально, а Вы действительно хотите посвятить значительную часть своей жизни изучению китайской философии, я Вам советую серьезно заняться китайским языком».

С этим письмом в руках я иду к замдекана доценту Анатолию Даниловичу Косичеву – нашему замдекана по учебной работе, дай ему Бог долгих лет жизни, ему уже очень много лет – больше девяноста!¹² Я к нему пришел и говорю: «Анатолий Данилович, вот такое мне письмо в ответ на мой вопрос пришло!» Он был страшно удивлен, так как понятия не имел, что я занимаюсь китайской философией. Долго на меня смотрел, потом говорит: «Ну, а что тебе от меня-то надо?» Я говорю: «Я пришел к Вам просить, чтоб Вы мне разрешили вместо английского заниматься китайским языком. И прикрепили меня на филологический факультет, или на исторический для занятий китайским. Занятия по латыни я буду продолжать посещать, а вместо английского будет китайский. А то получится слишком много». «Ну, что же, дело это хорошее...» В общем, написал он письмо в деканат на филфак. Там это дело одобрили, и меня прикрепили заниматься китайским языком не к кому-нибудь...

Г: А к кому?

Т: Не поверите!

Г: К Рогачёву?¹³

Т: Нет, не к Рогачёву, у него я был, сидел на консультациях. К Исаенко.¹⁴ Наш корифей-переводчик. Не к нему самому, а к его жене, она преподавала язык.

¹² Косичев Анатолий Данилович (1914-2014) Историк, философ. С 1949 – преподаватель философского ф-та МГУ, профессор (1965). Декан философского ф-та МГУ (1978-986), зав кафедрой истории марксистско-ленинской философии (1971-1989). Профессор философии и советник ректора Шанхайского Университета (Китай, 1955-1957)

¹³ Рогачёв Алексей Петрович (1900-1981). Китаевед-филолог, дипломат, переводчик. Окончил МИВ. Сотрудник генконсульства СССР в г. Урумчи (1928-1934). Сотрудник отдела информации генконсульства СССР в г. Харбин (1936-1939). Преподаватель в МИВ (с 1939)

¹⁴ Исаенко Борис Степанович (1914-1965). Род. в Харбине. Китаевед, к.филол.н.(1950). Выпускник и преподаватель МИВ. Научный сотрудник института Китаеведения АН СССР. Был «пионером синхронного перевода с китайского языка» (переводил на съездах КПСС в Москве). Издал китайско-русский словарь «Опыт китайско-русского фонетического словаря» (1957). Выполнил ряд письменных переводов, в т.ч. работ Мао Цзэ-дуна

Вот, так я начал заниматься, причем она занималась со мной индивидуально. Я два раза в неделю ездил к ним домой, они жили на Собачьей площадке на Таганке.

Г: Это какой год был? И какой курс?

Т: Это был начальный курс, пятьдесят шестой год. А до этого я год занимался самостоятельно.

Г: Очень интересно, как Вы сами занимались? Как решились?

Т: Решился, но на самом деле это был «мартышкин труд».

Г: То есть, просто переписывали иероглифы?

Т: Я сидел и писал иероглифы. Вот иероглиф «ай», обозначающий «любовь». Мои товарищи очень интересовались, как сказать по-китайски «любовь». Я даже не писал иероглифы, а рисовал: как их правильно писать я не знал. В общем, первые два месяца моя преподавательница учила меня, как забыть все, чему я сам научился.

Г: Переучивала, выходит?

Т: Да, и учила меня уже ПИСАТЬ иероглифы. И тут началось самое главное: о том, что я занимаюсь китайской философией, узнали не только мои товарищи, но и деканат. А в это время шло формирование первой группы студентов для обучения в Китае: пришло письмо из министерства от товарища Елютина ректору академику Петровскому И.Г. И когда об этом стало известно на нашем факультете, меня порекомендовали туда включить. Так я попал в первую группу.

Г: Вы уже закончили на тот момент философский факультет?

Т: Нет, это был четвертый курс. Уехал я с четвертого курса, в феврале 1957 года. Числа 4-5 отправился наш поезд. Приключение это было! И вот, 14-го февраля, в день годовщины Договора 1950 года,¹⁵ мы прибыли на старый пекинский вокзал в районе Цяньмэнь. Нас там встречали с цветами наши китайские товарищи, подходили и говорили: «Я ваш друг!» Ко мне тоже подошел товарищ, и мне сказали: «Вот, это будет ваш друг и консультант». Меня определили в Пекинский университет, на специальный факультет по изучению китайского языка для иностранцев, и моим первым учителем был Тянь сяньшэн¹⁶: очень такой милый человек, так и начались наши занятия в Китае.

Г: Ваш преподаватель в Китае был филологом или историком?

¹⁵ Речь идет о «Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи» между СССР и КНР, подписанном 14 февраля 1950 г. в Москве

¹⁶ Сяньшэн – учитель, вежливое обращение к преподавателю

Т: Языковед. Очень хороший, просто блестящий преподаватель, очень умело нас обучил. Все-таки, я за полтора года освоил базу языка и начал изучать вэньянь – древнекитайский язык. Я два года там учился.

Г: То есть, он и современный китайский, и вэньянь преподавал?

Т: Нет, по вэньяню у меня была отдельная группа. Можно сказать, почти индивидуальная. Потому что через год меня направили одновременно обучаться на философском факультете Пекинского университета и назначили мне научным руководителем по китайской философии Жэнь Цзи-юя¹⁷ – замечательного ученого-философа. А у него как раз в это время, буквально накануне моего прихода к нему, вышла брошюра о Мо-цзы,¹⁸ и после нашего собеседования он мне ее подарил. Я тогда только начал читать книги на китайском. Конечно, трудно было, а читать приходилось много. Но в общем я все смог освоить на китайском языке. И когда возник вопрос о теме моей работы, так и получилось, что темой стала философия Мо-цзы. Лекции по китайской философии мне индивидуально читали: я ходил на лекции на философский факультет. Естественно, понимал я лекции сначала через пень-колоду: лекции читались быстро, и большинство лекторов говорили не на путунхуа.¹⁹ Вообще, тогда к советским студентам действительно было особое отношение, нам стремились создать максимально благоприятные условия для учебы. Я не могу не вспомнить с глубочайшей благодарностью о руководстве нашей группы: товарищ Кэ Гао руководил нашей группой, госпожа Дай, вернее, товарищ Дай – старая революционерка, она руководила нашей группой в воспитательном плане... А потом, тоже в знак особого внимания, мне в качестве лектора по китайской философии был назначен великий Фэн Ю-лань.²⁰

Г: Вот это да! Сам Фэн Ю-лань проводил для Вас индивидуальные занятия?

Т: Только для меня. Я к нему домой приходил... В Пекине был такой особый большой огороженный район, где жили самые маститые профессора. Он жил в

¹⁷ Жэнь Цзи-юй (任继愈) – 1916-2009 гг. Известный китайский философ, историк. Изучал китайские буддистские учения

¹⁸ Мо-цзы (Мо Ди) – ок.479-391 гг. до н.э. Начало эпохи Чжаньго (Сражающихся царств). Великий китайский мыслитель, выступал противником конфуцианства и даосизма, выдвинув теорию о том, что все беды в мире происходят от человеческого эгоизма и нежелания размышлять над своими поступками. Основал школу моистов (мо-цзя)

¹⁹ Официальный диалект китайского языка

²⁰ Фэн Ю-лань (1895-1990) – известный китайский философ, историк китайской философии, представитель «нового конфуцианства». Образование получил в Пекинском университете и Колумбийском университете (США)

отдельном особняке. Я сиделся напротив него. Он садился, закрывал глаза и читал.

Г: Монотонно...

Т: Нет, не монотонно, а с выражением и наизусть. А потом открывал глаза, смотрел, что я там, пишу или не пишу, и спрашивал меня, все ли я понял. Если я говорил, что что-то не понял, он объяснял, наизусть цитируя Конфуция, всех китайских классиков. У него еще была манера говорить, бородочку поглаживая. Конечно, это было неизгладимое впечатление! Но, к сожалению, мои лекции через четыре месяца приостановились. Потому что Великий кормчий – председатель Мао Цзэ-дун сказал, что эти профессора опасны, у них голова забита всякой дрянью, и они ничего не понимают в жизни. И надо их всех отправить на перевоспитание в деревню – пусть они учатся философии у крестьян. Философский факультет, естественно, с энтузиазмом воспринял ценные указания о необходимости ехать на перевоспитание в деревню. И Фэн Ю-лань поехал, и Жэнь Цзи-юй, и Фэнь Дин²¹... Жэнь Цзи-юй занимался со мной конкретно Мо-цзы; Фэн Ю-лань читал мне общие лекции по китайской философии, а Фэн Дин – по диалектическому и историческому материализму. Замечательный, кстати, был преподаватель. Тогда без этого нельзя было.... Но раз все уезжают, возник вопрос: что делать со мной? Был там и наш московский преподаватель с нашего факультета – профессор Георгиев Филипп Игнатьевич, который читал в Пекине лекции. Я на эти лекции ходил в качестве переводчика, он ведь читал их на русском языке. Это было хорошо: одновременно упражнение в языке и лекция – очень полезно. В конце мая-начале июня 1957 года было решено на факультете уехать на трудовое перевоспитание и изучение философии у крестьян в кооператив Хуанцунь. Это где-то около ста километров от Пекина, ближе к Тяньцзиню, в северном направлении, севернее станции Фэнтай. Тогда же это всё были поля! Тогда Пекин кончался там, где сейчас второе кольцо. Там проходила городская стена, а дальше были поля: рис, батат, китайская капуста *байцай* и так далее. А в другую сторону были яблоневые и персиковые сады. Решили, что все едут, и я настаивал, что тоже поеду. Мои коллеги, товарищи по учебе выразили большое удивление по этому поводу, сказали, что это мой «бзик». А руководство философского факультета

²¹ Фэнь Дин (1902-1983) Философ-марксист, педагог. Изучал проблемы взаимоотношения истины и практики, политики и нравственности. Заместитель секретаря парткома, с 1976 – декан философского факультета Пекинского университета

очень долго пыталось меня отговорить. Со мной вела воспитательную работу для того, чтобы отговорить меня от этой затеи, товарищ Не Юань-цзы.²²

Г: Кто это?

Т: Не может быть, чтобы вы ее не знали! Надо вспомнить культурную революцию. Кто первую *дацзыбао*²³ написал?

Г: А, это автор первой *дацзыбао*!

Т: Да, она – автор первой *дацзыбао*. Тогда была секретарем партийной организации философского факультета. И вот, пришла она ночью – экспансивная очень китаянка – и говорит: «Товарищ Титаренко! Вы представляете, как там будет трудно?!» Я говорю: «Я вырос в деревне, я сельский человек, я поеду». Короче говоря, в два часа ночи, накануне отъезда, она пришла ко мне в общежитие, мы жили в одной комнате с Сережей Хусаиновым, сейчас он в Казахстане. В общем, не отговорили, и я поехал. Так начались, так сказать, мои университеты в народной коммуне. Хотя нет, начались они в кооперативе Хуанцунь, я хочу это подчеркнуть! Потом уже была коммуна. Вообще, я считаю, что один из самых умных шагов, которые я совершил в этой жизни, был тогда, когда я настоял, что поеду в деревню вместе с факультетом, потому что это позволило мне полностью погрузиться в китайскую культуру. Я был единственным иностранцем, кто побывал в такой ситуации. Удивительным, конечно, было то, что все это получилось, несмотря на то, что сама парторг пришла меня в 2 часа ночи отговаривать!

Г: А с советским посольством Вам не надо было это согласовывать?

Т: Теперь я понимаю, что пойдя я, как положено, в посольство, они бы меня ни за что непустили! Это потом, много позже, они сказали: «Правильно молодой человек поступил». Ну, а когда решать нужно было, непустили бы. Короче говоря, благодаря тому, что я вместе со всеми выехал в деревню, я продолжал общаться с моим любимым Фэн Ю-ланем, Жэнь Цзи-юем, Фен Дином, своими товарищами, и, самое главное, я общался с крестьянами, которые, надо сказать, меня полюбили. Ко мне относились очень хорошо. Когда меня, наконец, отозвало посольство – сказали, хватит вам бездельничать

²² Не Юань-цзы – кадровый партработник. В КПК вступила в 17 лет. С начала 1965 – парторг объединенного парткома философского факультета Пекинского университета. Вместе с 6 аспирантами написала первую *дацзыбао*. «Разобьем господство ревизионизма и все коварные интриги и темные планы, решительно до конца и полностью уничтожим всю нечисть, всех контрреволюционных ревизионистов хрущевского типа!» (цит. по В.Н. Усов «Китайский Берия Кан Шэн », С.337

²³ Дацзыбао – дословно «газета больших иероглифов». Вывешивались в публичных местах в годы «культурной революции» (1966-76), содержали призывы бороться с врагами, защищать Председателя Мао и т.д.

– меня вся деревня провожала. Нагрузили гостинцами, коромысло дали как передовику производства. А я действительно был передовиком. На коромысле две корзины: в одной батат (сладкий картофель), а в другой – арахис (*хуашэн*). Я приехал в Бэйда²⁴ и устроил пир горой для всех друзей.

Г: Сколько Вы там пробыли в деревне?

Т: Семь месяцев. Конечно, никакой философии у крестьян не было, и нечему было у них учиться в этом смысле. Но для китайских городских ребят весь образ жизни крестьян был чем-то новым, незнакомым. Для меня же как раз сельская жизнь была вполне привычна. Поселили меня для безопасности в доме вдовы-революционерки, старушки Ван. Я ее звал Ван данян. Сын ее служил в Народно-освободительной армии Китая, я спал на его кане.²⁵

Г: Дом был однокомнатный?

Т: Нет, два помещения в нем было. Входишь сначала, два котла, потом комната, где мать жила, а в другой – сын. Он был молодой, еще не женился. Комната была свободна, и я спал в ней.

Во-первых, я узнал образ жизни китайских крестьян. Во-вторых, я с профессорами общался. Занятия в разное время проводились: с утра или после обеда. Проходили они в одном из больших домов, который принадлежал бывшему помещику, условно говоря «помещику». Так вот, там на кане восседал профессор Фэн Ю-лань и в той же самой манере, на своем большом материале, закрыв глаза, говорил: «Что касается того, что такое коммунизм...то я думаю, что это, в общем...». Кстати говоря, товарищ Фэн Ю-лань в этом вопросе оказался провидцем. Он сказал, что коммунизм – это реализация мечты, которую высказал в свое время Конфуций. Он говорил, что первой стадией коммунизма будет «общество малого достатка» – *сяокан*, а высшей стадией его будет «великое единение» – *датун*. Так что, товарищ Дэн Сяо-пин сие предсказание Фэн Ю-ланя выполнил. ... Но дело в том, что во время пребывания в деревне я был свидетелем довольно суровых событий, которые были весьма трудными для моего восприятия. Например, классовая борьба: старикашку, который отказался отдавать свой дом под управление создаваемой коммуны, назвали классовым врагом, и против него устроили «классовую борьбу». В общем, можете себе представить, что там происходило. Да, все это наблюдать было не очень приятно, уж устроили ему... Требовали от него признаний, чтобы он признался, что он – враг. Мучили его... А потом, в

²⁴ Сокращенное китайское название Пекинского университета

²⁵ Кан – традиционная в северном Китае лежанка из камня, кирпича или глины, отапливаемая снизу

конце июля – начале августа, была создана народная коммуна Хуацунь, я в ней жил и работал. Мне сельский труд вполне знаком. Парень я был не из хилых, поэтому работать умел, и был передовиком труда. Ко мне туда даже на экскурсию ходили смотреть, потому что я один выдавал норму целого звена: выкапывал арахис (*хуаишэн* по-китайски) мотыгой. Батат, рис там тоже выращивали. Довольно скоро мне стало неинтересно сидеть на этих занятиях-«гаданиях» на тему «Что такое грядущий коммунизм», потому что китайские товарищи считали, что они обгонят Советский Союз, коммунизм непременно будет построен. А, кроме того, они были не очень рады свидетелю их вольных разговоров. Поэтому они там сидели-гадали, а я уходил на работу. И с большим удовольствием работал вместе с крестьянами: тогда молотили рис. Близился конец года, где-то конец ноября, уже было довольно холодно. Молотили рис, и я крутил барабан. Тогда электричества еще не было, поэтому крутил барабан вручную, а они держали сноп, так и обмолачивался рис. Был один я, и ещё целое звено женщин-китаянок. Они минут 20-30 работали, потом минут 15 отдыхали – быстро уставали. Однажды в очередной перерыв (я сижу на одном обмолоченном снопе, они на другом), слышу, меня обсуждают, смеются.

Г: Вы им были очень симпатичны, наверно?

Т: Отношение ко мне было потрясающе хорошее. А в тот раз... Была у них одна молодая и очень активная женщина. Вдруг, она встает и таким победным шагом идет ко мне. Я думаю: что же будет? Она подходит ко мне, поднимает штанину – я в совершенной растерянности! В общем, поднимает мне штанину, а на ногах-то – волосы. Она вырывает у меня клочок волос и несет как знамя: «Вот, у него ноги волосатые!» Это они, значит, обсуждали, чем отличаются русские мужчины от китайцев, и нашли главное отличие – волосатые ноги! Но это все так, от простоты отношений, если хотите.

Г: Михаил Леонидович, а эти свои подвиги-приключения Вы уже описывали где-то раньше?

Т: Нет, нигде. В первый раз рассказываю.

Г: Как на исповеди! Интересно узнать, когда Фэн Ю-лань рассуждал о коммунизме в его представлении, он Председателя Мао цитировал?

Т: Я не припомню, чтобы он цитировал Председателя Мао... Я помню, он говорил «как нас призывает председатель Мао». Часто свое мнение высказывал: «Я думаю», «мне кажется, что при коммунизме будет...». Цитировал Конфуция, говорили о *сяокане* и *датуне*. Очень интересны эти рассуждения были. Но для большинства его студентов это было совершенно непонятно, поэтому его скоро подвергли критике как «правый элемент».

Г: Каких-то дискуссий там не было между ними? Или это просто были обычные лекции?

Т: Дискуссий не было, это такие беседы были. Но, вообще, был огромный энтузиазм в стране, особенно в первое время. Люди поверили, что что-то новое действительно произойдет. Это были такие увлекательные лозунги. Я тоже был под очарованием этого энтузиазма, и даже был убежден, что китайцы нас обгонят, и что построят коммунизм, и все прочее. Но этот энтузиазм продолжался лишь до конца октября. Значит, сначала мы съели рис: была у нас бесплатная столовая (*чифань буюа цянь*). Потом стариков всех собрали вместе в «Сад счастья», ухаживали за ними, детей собрали в такой детский сад, а все взрослые работали – такой вот режим. Да, кстати, там я узнал, что такое «учение восьми иероглифов» председателя Мао (*бацзы синфа*). Даже лично участвовал и видел, что такое уплотненный засев риса. Это когда с соседних полей срывали рис, складывали, уплотняли его. Он начинал гореть, ставили вентиляторы, чтобы поддувать... Конечно это все делалось для того, чтобы приезжающее начальство посмотрело, что указания выполняются.

Г: То есть, Вы стали видеть разницу между лозунгами и действительностью?

Т: Да, в конце октября стало ясно, что организация эта – коммуна – себя не оправдывает. Значит, сначала съели рис. Потом начали есть кукурузные пампушки *вотоу*. Потом и эти кукурузные *вотоу* стали выдавать только по одной в день. Пампушка эта, чтобы вы знали, делалась из кукурузного теста: шапка такая из куска теста надевается на кулак, и на пару готовится. Говорят, что их придумала Цыси,²⁶ когда бежала из Пекина от боксерского восстания.²⁷ Ей делали такие маленькие желтые *вотоу*, на палец надевали. Вот и мы по одному *вотоу* ели. Ну, потом уже в ход пошел батат, овощи, стало трудно. И в это время состоялось расширенное заседание Политбюро в Ханчжоу, на котором председатель Мао сказал, что надо проверить качество создаваемых народных коммун. Дал указание создавать рабочие группы по проверке народных коммун – *жэньминьгуншэ цзебяоча яньцзю*. Вот из студентов и профессоров, работавших в нашей и соседней коммуне (не помню, как она называлась), начала создаваться такая рабочая группа. А в соседней коммуне работал знаменитый профессор Цзянь Бо-цзань.²⁸ Ему было поручено

²⁶ Цыси 慈禧 (1835-1908). Вдовствующая императрица маньчжурской династии Цин (1644-1911). Фактически правила Китаем в 1861-1908, в периоды правления двух императоров – Цзай Чуня (Тун-чжи) и Цзай Тяня (Гуан-сюя)

²⁷ Речь идет о Боксерском восстании (Ихэтуаней) в Пекине в 1900-1901

²⁸ Цзянь Бо-цзань (翦伯贊, 1898-1968). Философ-марксист. Также изучал экономическую историю Китая. Считал, что развитие промышленности спасет страну от вековой отсталости.

возглавить эту группу. Цзянь Бо-цзань был слышан о моих, так сказать, трудовых подвигах, поэтому он лично приехал в нашу коммуну Хуанцунь и пригласил меня в рабочую группу, чтобы поехать на обследование народных коммун провинции Хэбэй. Я сразу согласился, и где-то в середине или конце ноября (уже не помню точно), когда была создана эта группа во главе с профессором Цзянь Бо-цзанем, мы отправились из народной коммуны Хуанцунь (*Хуанцунь жэньминьгуншэ*) в народную коммуну Лучэн (*Лучэн жэньминьгуншэ*). Это где-то в 120 км от Шицзячжуана – административного центра провинции Хэбэй.

Г: Можно вопрос?

Т: Пожалуйста.

Г: Из каких соображений руководитель рабочей группы включил в ее состав иностранного (!) студента?

Т: К тому времени они уже знали немножко мою биографию: знали, что я вырос в деревне и представляю, что такое колхоз. Тогда они создавали нечто другое. Но, оказалось, что колхоз не так уж и плох.

Г: То есть, Вас пригласили, выражаясь современным языком, выступить в качестве независимого эксперта? Или Вам хотели что-то показать?

Т: Тогда я не думал, в каком качестве меня берут, пригласили – и все. Мне было интересно это все.

Г: Вам было интересно. Но потом же Вы наверняка думали об этом?

Т: Тогда я был, можно сказать, в потоке сознания. Во-первых, мне было приятно, что ко мне проявляют такое внимание. Во-вторых, мне было интересно все это. И потом, Я ВЕРИЛ в «народные коммуны»! ТОГДА я в них искренне верил. Верил, что они в жизни возможны. На начальном этапе Советского Союза тоже ведь были «народные коммуны». Я вам говорил, что мой отец был председателем колхоза – «народной коммуны».

Г: То есть, у Вас к колхозам не было личного негативного отношения?

Т: Абсолютно нет.

Г: А у окружающих людей, которые приехали с философского факультета, и которые сидели в этом большом доме помещика?

Т: Вы знаете, это особенность китайских товарищей: дисциплина, законопослушание.

Г: Да, и скрытность.

Издательства в годы «культурной революции» довели его и супругу до самоубийства в 1968

Т: Им было сказано, что их идеологическая позиция поставлена под сомнение. И для них тогда высказывать какие-то негативные суждения означало бы подтвердить эти сомнения, которые УЖЕ есть. Поэтому нужно было доказывать обратное, и все вели себя очень хорошо. Все были полны энтузиазма. Готовы, согласны на все, так сказать. Мы осуждали этот вопрос, и я уверен также, что они делали это искренне. Ну, кто-то, может, оказался провидцем...

Г: И время тогда ещё оставляло место для надежды. Это потом уже все разобрались во всём.

Т: Конечно. Короче говоря, поехали мы в «народную коммуну» Лучэн, жил я там в общежитии кадровых работников. Участвовали в собраниях всяких, всегда о чем-нибудь возникала горячая дискуссия, в конце которой, подводя итоги, всегда привлекался авторитет советского человека. Он был очень важен. И важно было свидетельство. В данном случае имел значение не я лично, я тут был не при чем. Важно было то, что я – советский человек (*сулянь жэнь*). И причем не такой уж глупый, к тому же с таким же энтузиазмом верящий, поддерживающий их. То есть, они верили, что это свой человек. И я действительно был своим человеком. Так что, в дискуссиях всегда было: «А что скажут представители Советского Союза – нашего «старшего брата» (*сулянь лаодагэ*)?» Мне каждый раз приходилось доказывать, что я никакой не «старший брат» – это был вопрос, по которому можно было долго дискутировать, но советский человек – да. В общем, если обсуждался какой-то вопрос, то всегда спрашивали и мое мнение. Если у меня оно было, я его высказывал. Иногда оно было отличным от принятой линии, содержало какой-то нюанс. Иногда с ним соглашались, иногда, так сказать, молча его игнорировали, и все шло хорошо. А в конце января 1959 года я получаю письмо из посольства Союза Советских Социалистических Республик, в котором было написано: «Как стало известно Министерству высшего образования, студент, в нарушение всякой дисциплины, самовольно отправился в деревню вместо того, чтобы заниматься тем, ради чего он был послан в Китай, то есть, изучением китайского языка и китайской философии. В нарушение этого он прохлаждается в деревне», – в таком смысле. Далее предписывалось, чтобы я немедленно отправлялся в Пекинский университет и продолжил занятия. Или я буду откомандирован, как говорится, в двадцать четыре часа.

Г: А куда было возвращаться? Факультет-то был в деревне!

Т: Факультет был, конечно, в деревне. Но Пекинский-то университет оставался на месте. В общем, каждое мое перемещение всякий раз создавало новые

проблемы для моих гостеприимных хозяев, которые им приходилось решать. Короче говоря, мне устроили проводы: вся деревня собралась во главе с первым секретарем уездного комитета партии. Устроили митинг, да не просто так, а с барабанами, гонгами. Мне опять вручили коромысло, и я вернулся в Пекин, «попрохлаждавшись» в деревне. Пришел в посольство, где нас курировал советник – второй секретарь посольства, супруга одного из сподвижников товарища Шелепина. Она ругается: «Что же вы?» Ну, и так далее. А я говорю: «Прежде чем меня ругать, выслушайте, чем я занимался!» Короче говоря, я им описал картины, которые были для них полным откровением: что такое народные коммуны, как они были устроены, и всё прочее. В посольстве сказали: «Ладно, продолжай учёбу, но о том, что ты там видел, напиши». Я написал такой отчёт о своем пребывании в деревне, оставил им и вернулся в Пекинский университет. Товарищ Кэ Гао, дай бог ему здоровья и многих лет жизни, говорит: «Ну, что ж с тобой делать?» Поскольку у меня фамилия очень трудно выговариваемая на китайском языке – Цзи-та-лен-ко, меня звали Миша *тунчжи* – «товарищ Миша». И потом это «товарищ Миша» со мной сыграет довольно забавную штуку, я потом расскажу о ней. Ну, значит, что делать, иди, говорит, на филологический факультет. Я стал ходить на лекции по китайскому языку и древнекитайскому языку, к знаменитому китайскому профессору Ван Ли.²⁹ Крупнейшему знатоку китайского и древнекитайского языка. Философского факультета так и не было. И тогда мудрый товарищ Кэгао с коллегами, посоветовавшись, связались со своим министерством, доложили о ситуации, в общем, заботы всем китайским чиновникам хватило.

Г: Вы обеспечили работой министерство!

Т: Да-а. Перепиской. В конце августа Кэ Гао ко мне подходит и таинственным заговорщицким голосом говорит: «Товарищ Миша! Тебя, наверное, направят в Шанхай». Ну, в Шанхай так в Шанхай – какой город: революционная база! Первый съезд! Все же это там было, и этот образ революционного романтизма еще сохранялся. Я говорю: «Хорошо, поеду в Шанхай». Тем более что моя жена училась в Шанхае.

Г: Вы были уже женаты?

Т: Мы поженились в Китае, у меня с ним вся судьба связана! Но про это я не буду говорить, потому что это Шекспир! Это Шекспир, честное слово!

Г: Непременно надо об этом говорить, нам интересно!

Т: Нет, это отдельно.

²⁹ Ван Ли (王力, 1900-1986). Известный лингвист, историк китайского языка. Учился в университете Цинхуа в Пекине и в Парижском университете

Г: Хотя бы в двух словах!

Т: Потом, давайте я сначала эту тему закончу.

Г: Хорошо-хорошо.

Т: Короче говоря, заговорщицкая эта беседа со мной кончилась, это был предварительный зондаж, посмотреть, как я отнесусь к этой затее. Я ответил положительно! Министерству нужен был позитив. Уже шла подготовка к десятилетию КНР, в Пекине шли десять великих строек: строили Дворец народных собраний (*жэньминь далитан*), Исторический музей (*лиши боугуань*), сельскохозяйственная выставка (*миницугун*) – большие события. Получается, все это я тоже наблюдал. Ведь никто не знает, из чего сложены колонны Дворца собраний: они были сложены из дороги, которая была проложена императрицей Цыси в парке Ихэюань: это огромные глыбы сизого мрамора, их все изъяли, обрезали, сточили и сделали эти колонны. То есть они нашли быстрый способ добыть материал. Часть материалов взяли из развалин Юаньминьюаня... А в двадцатых числах сентября 1959 года товарищ Кэ Гао мне сообщил, что я определен на философский факультет Фуданьского университета в Шанхае. И, по-моему, двадцать восьмого или двадцать седьмого сентября я прибыл в Шанхай в поезде, в котором ехала труппа Большого театра. Они ехали в Шанхай на гастроли по случаю десятилетия КНР, а я прибыл в университет, на философский факультет.

Г: Улановой там не было?

Т: Улановой не было, по каким-то причинам она не поехала в Шанхай. Поехала Плисецкая и Лепешинская, тогда звездный час их был. Я был на этом концерте и тогда впервые увидел, как в Китае встречали наших артистов. Сейчас этого места, где выступление проходило, нет, сейчас на этом месте народная площадь. А раньше там был английский стадион, где проводились собачьи бега. Там семь тысяч зрителей было. Была большая сцена, и там выступал балет Большого театра. Это было такое событие! За километр до места, на Вайтане³⁰ уже спрашивали билетки. Концерт был потрясающий, громадный успех, потому что в Шанхае не так мало знатоков, балета. Вот в Пекине все прошло как-то спокойнее, намного спокойнее. Лепешинская исполняла танец «Вальпургиева ночь», потрясающе! А когда Плисецкая исполнила своего «Умиряющего лебедя», были такие овации! Ее вызывали шесть раз «на бис», просили – заставили! – повторить «Лебедя» шесть раз! Она устала уже, вышла, встала на колени перед залом: больше не могу! Зал встал, такими овациями ее

³⁰ Набережная Вайтань (Бунд) – фешенебельный район Шанхая, где до революции располагались представительства иностранных компаний

наградили, так встречали – просто потрясающее было зрелище. А когда Лепешинская исполнила свою «Вальпургиеву ночь»! Это для китайцев необычное выступление, совершенно вольная сцена... В общем, концерт имел необыкновенный успех.

А потом я приехал в университет, там меня очень мило встретил мой будущий руководитель, декан философского факультета, профессор Ху Цюй-юань. Замечательный человек, чудесный, с очень большим революционным прошлым. Его супруга – профессор Чэнь Гуй-Жу была первым переводчиком ленинских работ на китайский язык. Меня поселили в преподавательском общежитии в отдельной комнате, рядом с комнатой сына ректора, профессора Чэнь Ван-дао. Мы так с ним три года вместе жили, рядышком, общались иногда. У меня установились очень милые отношения с местными жильцами: и с преподавателями, и с обслуживающим персоналом. Это были трудные очень годы. Годы, когда начал меняться характер наших китайско-советских отношений. Здесь я хочу сказать, что отношение ко мне не изменилось до самого моего отъезда. Оно было всегда доброжелательным, предупредительным, заботливым. Это было трудное время, но мои друзья делали максимум возможного, чтобы обеспечить мне более или менее нормальное питание. Комната моя была как японский домишко, который разделен на четыре клетушки перегородками. Она делилась перегородками на четыре части. Образовывалась как бы кухня, прихожая и спальня, поэтому казалось, что помещение чуть поменьше, квадратное, а перегородки-стенки из фанеры. А в Шанхае зимой очень прохладно, не тепло совсем. Мне в комнату поставили горелку газовую, а газовая горелка она могла потухнуть. В общем, без конца приходилось это дело контролировать. Спал я в ватниках, накрываясь еще ватным одеялом.

Интересно очень, как прошел мой первый обед в столовой, когда я приехал! Китайские товарищи слышали, что у нас главная еда – хлеб, «хлеб всему голова»! Поэтому они считали, что для нас главное – хлеб, что это главная пища. Ну вот, прихожу я в столовую преподавателей, а приходил я обычно в столовую последним, когда уже никого не было. Я прихожу, меня очень мило встречает повар, а на столе стоит буханка нарезанного белого хлеба. Это они специально съездили в гостиницу «Шанхай Даша», купили эту буханку нарезанного хлеба и подают ее торжественно – и больше ничего нет. И, значит, так, с улыбкой говорят: «Чиба» (кушайте). Я взял кусок, пожевал-пожевал, думаю: ну что-то мне еще дадут, кроме хлеба? А весь персонал выстроился вдоль стеночки и около дверей, и с милыми улыбками стоят и смотрят, что я

буду делать. А повар время от времени говорит – «чиба!» – кушайте. Я говорю: «А что еще будет?» А он удивленно так спрашивает: «А что ещё нужно?» В общем, пришлось объяснить, что хлеб, конечно, голова, но к голове еще нужно и тело! Дали мне еще каких-то овощей, а на следующий день притащили мне в качестве компенсации речных крабов. А я их терпеть не могу! И не знаю, как их есть, и вообще не люблю. А они очень дорогие, это одно из самых дорогих блюд считается из обычной кухни! Они красными становятся такими, как сварят, и они штук пять или шесть положили на тарелку. В общем, крабов я тоже не стал есть, чем очень огорчил моих дорогих хозяев, но они мне дали потом другую пищу.

Лекции мне по китайской философии читал, вернее, был моим консультантом профессор Ху Цюй-юань. Тема моя – философия Мо-цзы, которую я начал изучать под руководством Жэнь Цзи-юя в Пекине. Я продолжил изучать философские идеи Мо-цзы и школы моистов в целом, и было решено, что, в конечном итоге, моим дипломом будет работа о Мо-цзы. Мы с профессором Ху часто встречались, беседовали, и он меня консультировал. А лекции мне читал по философии профессор Ян Бай-мин. Очень глубокий знаток китайской философии и китайского буддизма, его истории. Причем был он хунанец! Земляк Председателя Мао, говорил на том самом диалекте – на хунаньском *тухуа* (местном наречии). Я, естественно, почти ничего не понимал. Студенты его тоже не понимали ничего. Но, к счастью, как говорят китайцы, плохое превратилось в хорошее: поскольку он говорил на хунаньском диалекте, ему пришлось все свои лекции писать на доске, а для меня это было то, что нужно. Потому что когда он говорит, не все успеваешь уловить, а когда написано – тут я уже пишу в конспекте. У меня с профессором Ян Бай-мином были очень хорошие отношения, он даже для меня специально читал курс по китайскому буддизму: что это такое, его теория, философские взгляды чань-буддизма, дзэн буддизма и *тяньтай цзун*³¹ – главных направлений китайского буддизма танского и сунского периода. И ко мне был приставлен в качестве помощника по изучению древних текстов и для занятий древнекитайским языком Пань Фу-энь³² – очень добрый китайский товарищ, интеллигентный очень шанхаец. Сейчас он, я думаю, уже на пенсии, а тогда был аспирантом. Вот он и был моим помощником в чтении, толковании, понимании китайских иероглифов и в изучении древнекитайского языка. Потом он стал заведующим кафедрой китайского языка Фуданьского университета, известным ученым, специалистом

³¹ Школа лотосовой сутры. Китайская школа буддизма махаяны

³² Пань Фу-энь – профессор философского факультета университета Фудань (г. Шанхай)

по Чжу Си, Чжоу Дун-и.³³ У него есть книга по древнекитайской философии, общий такой курс. Очень интересный был человек! И ещё, в качестве помощника толкования терминов на русском языке ко мне был приставлен доцент Хэ Юй-дэ. К сожалению, во время «культурной революции» он пострадал, и потом погиб. Он очень хорошо относился к нам, был прекрасным знатоком русского языка: помогал найти более точные переводы с древнего языка на современный русский язык. В общем мои коллеги очень хорошо относились ко мне, помогали, и студенты тоже часто приходили.

Я хотел бы подчеркнуть два, вернее, три момента из фуданьского периода моей жизни. Об одном я уже сказал: я там пробыл до конца июля 1961 года, когда отношения между нашими странами уже были не очень хорошие, но отношение ко мне было прекрасным, таким же доброжелательным и дружеским. Второе: там, в Шанхае, я понял, насколько сильна самоидентификация китайцев – это очень важная черта китайской «гражданственности». Приведу пример: со мной по соседству в общежитии жил сын Чэнь Ван-дао. А с другой стороны жила профессор исторического факультета, и у нее был такой забавный мальчуган – ему, наверно, лет шесть-семь было, такой очень симпатичный китайчонок. Он все время ко мне бегал, любил со мной играть, и я тоже с ним занимался. И он все время меня допрашивал, а почему у меня нос такой, глаза такие. Ну, а я его как-то спрашиваю: «А почему у тебя волосы черные? Вот у тебя такие жесткие, а у меня видишь какие волосы мягкие, почему?» И он говорит: «*Инвэй во ши хуажэнь*» («Потому что я – китаец»). Причем, он очень важно так встал. Вот так, палец подносит к носу и показывает на себя: «*Во ши хуажэнь*». Представляете: ребенку семь лет, не больше, и у него уже твердое осознание, что он китайский человек – «хуажэнь» (этнический китаец). Это для меня было очень большим и важным пониманием одной из главных китайских национальных черт. Глубокое внутреннее чувство самоидентичности. Национальная солидарность, осознание своей принадлежности к великой нации, к великой культуре. Это очень ценное качество.

А третий момент – это был достаточно комичный случай: я был единственным иностранным студентом, и все меня звали «Миша тунчжи» – товарищ Миша. Миша-тунчжи, Миша-тунчжи, – всё хорошо, всем удобно. Но вот, в большом зале идет торжественное заседание по случаю вручения дипломов. Ректор

³³ Чжоу Дун-и (1017-1073) – китайский философ и литератор эпохи Сун. Основоположник неоконфуцианства. Главные философские сочинения – «*Тайцзи тушо*» («Изъяснение Плана Великого предела») и «*Тун Шу*» («Книга проникновения»), также известная как «*И тун*» («Проникновение в Книгу перемен»)

Фуданьского университета – товарищ Чэнь Ван-дао,³⁴ уже пожилой он был, торжественно объявляет: «Диплом номер один вручается гражданину Союза Советских Социалистических республик товарищу Мише!» Я подумал, что это он просто так пошутить решил, не произносит мою трудную фамилию. Получаю диплом... а там так и написано! Диплом выдан «товарищу Мише, гражданину...». Я после собрания подошел к декану и говорю, что это филькина грамота. Мы все вместе посмеялись, а, с другой стороны, диплом-то уже выписан, и бланк нужно запрашивать из министерства, и номер записан на меня! Но через неделю уже в более рабочей обстановке декан вручил мне диплом, где уже было написано «Титаренко».

Г: Михаил Леонтьевич, а как Вы должны были представить свою дипломную работу для защиты, на китайском языке?

Т: Да, я ее представил на китайском языке. Я написал работу о философских взгляды Мо-ди и школы моцзя. Она была написана на русском и китайском языке. Помогал мне в окончательной обработке текста доцент Хэ Юй-дэ. Он работу мою редактировал, поправил мои неточные выражения, грамматику подчистил. Защищался я на китайском языке, защита прошла успешно. Это был 1961 год.

Г: Наверняка потребовали от вас, чтобы вы цитировали Мао Цзэ-дуна в своей работе?

Т: Я и цитировал.

Г: Сколько раз цитировали?

Т: Вообще, Мао высоко ценил философию Мо-цзы: он ее считал высшей, более практически значимой, чем философия Конфуция. Во-вторых, считалось, что философия Мо-цзы – это философия, ориентированная на трудовой люд, и она носит более практический характер. Так что я цитировал, конечно, Мао Цзэ-дуна, и вполне обосновано. Я и сейчас его цитирую в книге, которая только вышла, и считаю, что это не притянута за уши. Это история уже, и там я его цитирую как исторический авторитет, государственного деятеля. Чтобы показать, как оценивается в сознании китайцев эта философия.

Г: Не было к вам претензий по поводу того, скажем, что Вы мало цитируете?

Т: Нет-нет. Никаких претензий ко мне не было.

Г: Когда вы делали выбор именно в пользу моизма, отношение Мао Цзэ-дуна к нему сыграло какую-нибудь роль?

³⁴ Чэнь Ван-дао (1890-1977) – один из первых пропагандистов марксизма в Китае. Первым в Китае перевел (с японского языка) «Манифест Коммунистической партии». Основные научные труды по эстетике, буддийской логике, стилистике китайского языка. Ректор Фуданьского университета, главный редактор энциклопедического словаря «Цыхай»

Т: Нет, абсолютно. Как я уже говорил, моизм я выбрал для изучения в 1958 году. А это высказывание, цитата Мао Цзэ-дуна, относится к 1956 году. Но я узнал о ней позже и даже не от профессора Жэнь Цзюй-и, а самостоятельно, по моему в одной из книг Фэн Ю-ланя нашел. Впрочем, если вас интересует мое отношение к председателю Мао как к политику и ученому, как к мыслителю, я могу сказать следующее: Мао Цзэ-дун безусловно является большим политиком, великим государственным деятелем. Он один из величайших деятелей двадцатого века, при этом он до мозга костей китаец. И все достоинства и ограничения китайской культуры – все они проявляются в нем, как в человеке очень талантливом. Во-первых, он великий поэт, человек глубочайших знаний, полученных самообразованием: никто из китайских руководителей, наверно, не освоил все 25 китайских историй, которые сейчас изданы. А Мао их не просто читал, а сопровождал комментариями, оставил огромное количество комментариев! Как мне рассказывали китайцы, которые знали его, когда шло заседание Политбюро или еще какое-то мероприятие, то Мао Цзэ-дун под любой подход, политику всегда подводил историческую базу. И это производило на всех потрясающее впечатление! Он говорил: «Как действовал Цао Цао³⁵» или Лю Бан,³⁶ или еще какой-то известный деятель. Таким обширным историческим знанием, свободным, так сказать, плаванием в истории (несмотря на то, что он это знание иногда вольно использовал) как Мао Цзэ-дун, не обладал ни один из китайских лидеров, даже такие очень подкованные в теоретическом плане как Лю Шао-ци³⁷ или Чэнь Юнь.³⁸ Ничего подобного в публичных выступлениях они не демонстрировали. А Мао Цзэ-дун постоянно демонстрировал! И это на всех производило очень большое впечатление. Я считаю, что Мао Цзэ-дун, как мыслитель, безусловно оставил

³⁵ Цао Цао (155-220 гг. до н.э.). Китайский полководец, автор сочинений по военному делу и поэт, первый министр династии Хань. Фактический правитель империи Хань в начале III века н.э. Известен подавлением восстания Желтых повязок

³⁶ Лю Бан, храмовое имя Гао-цзу (256 или 247 – 195 г. до н.э.) – первый император династии Хань

³⁷ Лю Шао-ци (1898-1969). Государственный деятель КНР, один из лидеров КПК, председатель КНР (1959-1968). Был официально признанным наследником Мао Цзэ-дуна, в знак чего портреты обоих вождей печатались в центральных газетах на одном развороте и одинакового размера. Но в годы «культурной революции» объявлен главным «врагом» и погиб в результате репрессий

³⁸ Чэнь Юнь (1905-1995). Партийный и государственный деятель, участник «Великого похода» китайской Красной армии, прошедшей в 1934-1936 с боями более 25 тыс. км с юга на север Китая, из Центрального советского района (пров. Цзянси) на Северо-Запад (пров. Шэньси-Ганьсу). В 1935 прибыл на учебу в СССР, где в 1936 опубликовал свои заметки о «Великом походе»

очень большой и глубокий след в истории не только Китая, но и мира. Ему удалось в соперничестве с Гоминьданом,³⁹ с Чан Кай-ши,⁴⁰ привлечь на свою сторону огромные массы людей, переиграть Чана. Они ведь играли на одном поле, но Чан Кай-ши не удалось продемонстрировать, что он является единственным и подлинным выразителем масс широких интересов. А Мао Цзэ-дуну удалось показать, что Чан является всего лишь выразителем интересов узкой группы – богатых людей... Я не хочу сейчас начинать бросаться терминами политическими, ругательными, шапочными, так сказать. В общем Мао Цзэ-дуну удалось показать, что его взгляды более соответствуют и уровню национального самосознания более широких масс: крестьянства прежде всего. Ну, и городских люмпенов – бедноты городской, и значительной части, кстати сказать, китайской интеллигенции. Ведь уже после гражданской войны, уже в «чунцинский» период, многие выдающиеся китайские интеллигенты, хотя они вроде бы еще находились в лагере Чан Кай-ши, но на самом деле их сердца и сознание были как будто бы с Мао Цзэ-дуном. Тот же Го Мо-жо, те же деятели демократических партий – они потом перешли на сторону китайской коммунистической партии и помогли создать Единый фронт. В этом плане, конечно, антиимпериалистические, антифеодальные, антияпонские лозунги сыграли очень важную роль. Они показали непоследовательность позиций Чан Кай-ши, на этом Мао Цзэ-дун очень хорошо сыграл. Тут, безусловно, надо отдать ему должное как политику.

Г: Позвольте вернуться к Вашей первой поездке в Китай. Это же была первая группа советских студентов?

Т: Да-да.

Г: В этой связи у меня два вопроса: Вы тогда ехали за границу впервые, верно?

Т: Да.

Г: Каким было это ощущение встречи с «заграницей»? И еще: может, мы вспомним, кто с Вами был в этой поездке? И какие у Вас были отношения с ними?

Т: Всё было очень интересно! У меня очень хорошие отношения были с моими товарищами. Но должен вам сказать, что моей поездке в Китай предшествовало

³⁹Гоминьдан – Политическая национальная партия Китая, которую возглавлял Чан Кай-ши. Выступали против Мао Цзэ-дуна и Коммунистической партии Китая. После образования КНР в 1949, Чан Кай-ши и его сторонники отступили на Тайвань

⁴⁰ Чан Кай-ши 蔣介石 (1887-1975). Второе Цзян Чжун-чжэн 蔣中正. Крупнейший политический и военный лидер Китая в XX в. Соратник Сунь Ят-сена. С 1924 – начальник военной школы Вампу (близ г. Гуанчжоу на оз. Хуанпу). С 1925 вошёл в руководство Гоминьдана. Генералиссимус, верховный главнокомандующий. Президент Китайской республики (1928, 1932, 1943, 1948-1975). Умер и похоронен на Тайване

весьма для меня неприятное событие. Это вообще был тяжелый период: в мире была острая ситуация, венгерские, польские события произошли... Я был заместителем секретаря по идеологической работе комсомольской организации философского факультета. И был редактором одной из лучших газет Московского университета «За ленинский стиль». Моим заместителем и главным художником нашей газеты – блестящим художником, был ни кто иной, как товарищ Зиновьев.⁴¹ Тот самый. Мыслитель. Оппозиционер. Который говорил...

Д: «Зияющие высоты»...

Т: Да-да, он самый. Вообще, в то время на философском факультете со мной вместе, чуть старше, чуть младше, училось очень много интересных людей. Многие впоследствии стали известными. Раиса Титаренко, которая тогда носила ту же фамилию, что и я, и которая потом стала супругой Михаила Сергеевича Горбачёва.⁴² Бовин Александр Евгеньевич.⁴³ Фролов, который стал потом помощником М.С.Горбачева, Ильенков – знаменитый наш философ, с которым вместе я потом написал статью о критике философских взглядов Мао Цзэ-дуна. Тогда я выступал под псевдонимом «Алтайский» – я же с Алтая. Он был старше меня. Тогда он был аспирантом, а я студентом. А когда писали, он уже был великим философом, а я – ответственным работником ЦК КПСС. Во время этих событий на нашем факультете было много венгров, много поляков, всех было много – полный интернационал. Мы жили сначала в общежитии на Стромынке, сейчас там общежитие какого-то политехнического института, или университета, теперь они все университетами называются. А тогда это было главное общежитие всех общественных факультетов, гуманитарных факультетов МГУ, и нас в комнате было «всего лишь» тринадцать человек, полный интернационал: со мной вместе жили два китайца, два латыша, испанец, кореец, албанец, румын, ну а остальные наши.

Г: Соцлагерь в миниатюре!

Т: Совершенно верно.

Г: То есть с китайцами вы познакомились еще прежде Китая?

Т: Да. К моему огромному сожалению, оба китайских друга погибли во время «культурной революции». Замечательные китайцы были.

⁴¹ Речь идет об Александре Зиновьеве (1922-2006) – известном советском и российском ученом-логике, социальном философе, социологе и писателе

⁴² Горбачёв Михаил Сергеевич (1931 г.р.). Политический и общественный деятель, генсек ЦК КПСС (1985-1991), первый и последний президент СССР (1990-1991). Лауреат Нобелевской премии мира (1990)

⁴³ Бовин А.Е. (1930-2004) – Известный публицист, дипломат, журналист-международник

Г: Вы с ними дружили?

Т: Да. Во время этих событий пришлось, в общем, очень тяжело. Это был декабрь или ноябрь 1956 года, самый разгар событий. Наши польские друзья-студенты рядом с газетой «За ленинский стиль», которую я редактировал, вывесили свою газету «За свободу». Вывесили самостоятельно, ни у кого не спросив. Я об этом не сразу узнал, как они ее вывесили. И когда на другой день пришел на занятия, мне сообщают, что меня вызывают в деканат. Там среди преподавателей был человек, который отвечал за воспитательную работу среди студентов. Я не буду называть эту фамилию сейчас, не стоит об этом говорить. В общем, человек этот, когда я зашел в деканат, набросился на меня: «Вот он – помощник этих контрреволюционеров! Он как заместитель секретаря по идеологии комсомольской организации, допустил появление этой газеты!» Я говорю: «Я ничего не знаю. В чем дело, ничего не понимаю?» – «Как не понимаете? Вот видите, что это за работник! Что это за комсомольский лидер, который не знает, что происходит!» и так далее. Он мне сказал, что была выпущена газета и т.д. «Почему вы не пошли и не сняли эту газету?!» Я говорю: «Ну, во-первых, я не знал, что вывесили газету. И потом, даже если бы я знал, я не пошел бы ее снимать!» Он мне: «Как? Вы не пошли бы и не сняли?!» «Да. Потому что газету должны были снять те, кто ее повесил. Если бы я снял, получился бы, так сказать, акт насилия» – «А, почему!!!...» Ругался он долго и в результате записал меня в «сочувствующие венгерско-польской контрреволюции». И такое письмо ушло не куда-нибудь, а в Центральный комитет КПСС. Так вот, когда начал решаться вопрос о командировке в Китай, вернее, все уже было решено, и я приезжаю на вокзал пятого февраля, ко мне подходит товарищ и спрашивает: «Вы товарищ Титаренко?» – «Ну, я товарищ Титаренко» – «Пройдемте» – «Куда?» – «Следуйте за мной». Я с ним пошел к начальнику вокзала, Ярославский вокзал, первая платформа, там сразу первая дверь – начальник вокзала. «Товарищ Титаренко, поступил сигнал, что Вы допустили серьезные политические ошибки, поэтому Вы не поедете в Китай».

Г: Ничего себе! Уже на вокзале, с багажом!

Т: Да, меня сняли с поезда. Он отправлялся буквально через 10-15 минут. Я говорю: «И что мне делать?» – «Поезжайте в министерство, заберите документы». И вот, опять, честно говорю, мне в жизни повезло! Сколько замечательных людей мне повезло встретить! Я-то об этом не знал, но в партбюро в деканате знали об этом. И вот что произошло: ночью, перед отъездом, значит, четвертого февраля, проходит заседание партбюро. Был такой замечательный человек – Бутенко Анатолий Павлович, работал в

Институте мировой социалистической системы. Он был профессором философского факультета МГУ и членом партбюро. Был и второй, Ковалев, он работает и сейчас в МГУ. Андреева... Нет, секретарем был Старченко – профессор логики философского факультета, дай ему бог здоровья и долгих лет жизни! Короче говоря, Старченко, как секретарь парткома, узнал, что приняли решение исключить меня из списка группы командированных в связи с моей «политической неблагонадежностью». И они ночью, по телефону, проводят заседание партбюро! Представляете? И единогласно принимают решение: это клевета, и Титаренко должен поехать. Секретарша партбюро, она же секретарша деканата факультета – представляете?! – ночью напечатала, что по телефону ей надиктовали. У нее был картбланш – чистый бланк с подписью, и она к девяти часам утра пятого (я это подчеркиваю, пятого февраля), когда поезд уже ушел, в это же время она пришла в пятый подъезд на Старую площадь в ЦК КПСС и принесла это письмо – решение партбюро факультета о том, что это клевета. И отдала его. Документ тогда вложили со всеми остальными. Тогда заведующим Отделом был Румянцев Алексей Матвеевич – очень порядочный человек. Он сказал: «Пусть едет». Мне тут же позвонили, в десять часов утра, представляете, как оперативно? Письмо было доложено Румянцеву, и обо всей ситуации сообщили министру Елютину. Он тут же сообщил Ульянову – заведующему международным Отделом Министерства высшего образования. Находились они в особняке на Трубной площади. В одиннадцать часов утра я появляюсь в этом самом здании, вы представляете, в каком настроении... Поезд ушел! В полвосьмого утра пятого февраля. Поезд уже – чух-чух-чух-чух... Захожу в приемную. «Вы товарищ Титаренко?». Я упавшим голосом говорю: «Да». «Вас ждет товарищ Ульянов!» – «Ульянов?» Ну, я разделся, прошел, захожу. И меня с улыбкой на лице встречает товарищ Ульянов. Я думаю: «Что же он радуется?». А он говорит: «Ну что же, товарищ Титаренко, я вам должен сообщить приятную новость!». Я говорю, совершенно расстроенный: «Какую приятную новость?» – «Дело в том, товарищ Титаренко, что принято решение, что вы должны продолжить свою практику в Китае». Я говорю: «А каким образом?» – «А вот сейчас мы с Вами и решим». Нажимает он на кнопку, заходит эта женщина, которая меня встречала в приемной. Он ей говорит (я уже не помню, как ее зовут): «Узнайте пожалуйста расписание самолетов». И тут же мне задает вопрос: «Где вы будете догонять поезд? Есть два варианта: Омск или Новосибирск». Ну, естественно, для меня чем быстрее, тем лучше. Значит, Омск. Короче говоря, Вы представляете, что это все было? Какая ирония!

Г: Сколько нервов потрепали-то!

Т: Но сказка-то еще не кончилась, самое интересное впереди! Это все начало! Сказка это, действительно – для меня это очень волнительно всё! Прилетаю я в Омск, а поезд туда приходит еще через двое суток... Денег, естественно, у меня нет. Все организовали, а денег нет. Они были, я потратил их уже. И тут я еще раз встречаю замечательных людей, которыми так богата наша страна! Прихожу в гостиницу. А у меня в паспорте вкладыш Министерства иностранных дел СССР: «Все организации просим оказывать всяческое содействие» ... и так далее, как в дипломатическом паспорте. Я директору гостиницы, скромная такая гостиница была, отдал паспорт с вкладышем, и она говорит: «Молодой человек, я готова вам всячески помочь, но ни одного места нет!» Она видит мое состояние – я в полной растерянности, и говорит: «Я могу предложить следующий вариант: вы днем гуляйте, а в семь часов приходите и будете у меня вот на этом диване спать». Представляете? Бесплатно! Иду гулять: экипирован весь. Меня экипировали в ЦУМе: макинтоша подходящего не нашлось, поэтому меня упаковали по зимней форме, тогда это была редкость – пальто, модное такое, с седым каракулем. И туфли... Мороз двадцать пять градусов в Омске-то! Февраль же! И я тут – весь такой пижон... Вот, такое у меня было пребывание в Омске. Через двое суток, в ночь на восьмое число, по моему, в полпервого, поезд прибыл в Омск. Полночь. Вот самое интересное и происходит там. Я, значит, прохожу в вагон: все спят, и в вагоне стоит одна девушка. А мы с ней встречались только один раз, когда нас всех собирали у того же Ульянова на инструктаж о том, как нам себя вести, какой чести мы удостоены, и вообще, кто мы такие, какая на нас лежит историческая ответственность, каково это, быть достойными советскими гражданами, ну, и так далее. Известно, как говорится.

Г: Говорили на инструктаже о том, чего нельзя делать?

Т: Ну, конечно, было что-то такое. И она меня спрашивает: «А ты откуда?» - «Да вот, вас догоняю...» Короче говоря, это была моя будущая жена – Галина Ивановна Сиряченко. Она меня встретила вот таким образом. Я встретил свою судьбу, как говорится. Надо было, чтобы меня сняли с поезда, посадили в самолет, ну, и так далее. К сожалению, Галины Ивановны уже семнадцать лет как нет на этом свете. А в купе нас было четверо. Был Александр Георгиевич

Ларин,⁴⁴ ведущий научный сотрудник нашего института. Был Карев, он ещё жив, работает юристом в какой-то фирме. И Богачёв – не знаю, где он.

Г: Китаевед? А как его звали?

Т: Китаевед. Я не помню уже как его звали... он из технарей был. В нашей группе примерно половина людей была технарями. Вот кстати, Галина Ивановна ехала обучаться китайскому искусству шелкоткачества. Был у нас там Фарух Хайрутдинов из Азербайджана, который тоже должен был изучать шелкоткачество. Был у нас Сергей Хусаинов, сейчас он в аппарате у президента Назарбаева работает. Он ехал изучать китайское сельское хозяйство. Май Богачихин ехал изучать китайскую керамику. Был позже в нашей группе Шабалин Вадим Иванович, на стажировку по экономике ехал. Был экономист Виноградов, тоже ехал на стажировку. Он умер уже, к сожалению. Гусаров Владимир, который философией занимался, написал работу о Хань Юе,⁴⁵ Саша Решетов из Ленинграда, который занимался национальным вопросом, изучал народность чжуан. Была Эльвира Стулова,⁴⁶ которая занималась переводами, она из питерского отделения Института востоковедения. Была Наташа Свистунова,⁴⁷ наша сотрудница. Она занималась средневековой историей, ученица Симоновской⁴⁸.... Зина Лапина⁴⁹ была, Молодцова⁵⁰ со своим мужем, тогда он еще не был ее мужем.

Г: А М. В. Крюков⁵¹?

Т: Миша тоже тогда приехал. Я был на его свадьбе, кстати, у Миши Крюкова и Хуан Шу-ин⁵², это было тоже очень интересно, впечатляюще!

⁴⁴ А. Г. Ларин (1932 г.р.) Китаевед, к.ф.н., ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН. ИДВ – Институт Дальнего Востока

⁴⁵ Хань Юй – танский философ, историк, поэт и каллиграф. Ярый противник буддизма и даосизма

⁴⁶ Стулова Э. С. (193-1993). Китаевед, к.и.н., литературовед. В совершенстве владела китайским языком, включая навыки каллиграфии. Окончила Восточный факультет ЛГУ и исторический факультет Пекинского университета

⁴⁷ Свистунова Наталья Павловна (1930 г.р.). Китаевед, к.и.н., научный сотрудник ИВРАН, специалист по средневековому Китаю, переводчик с китайского

⁴⁸ Симоновская Л.В. (1902-1972) – советский историк-китаевед. Преподаватель МГУ

⁴⁹ Лапина З.Г. (1934 г.р.). Китаевед, д.и.н., историк и культуролог. Заслуженный профессор МГУ

⁵⁰ Молодцова (Кондрашова) Людмила Ивановна (1933 г.р.). Китаевед, д.э.н. (1986). Окончила МИВ – геогр. факультет МГУ (1957). Окончила Пекинский университет (1960). Научный сотрудник ИЭМСС (с 1961), ИДВ РАН (с 2000)

⁵¹ Крюков Михаил Васильевич (1932 г.р.). Китаевед, специалист по истории и этнологии Китая. Соавтор многотомной серии «Китайский этнос»

Г: Вы об этом расскажете, я надеюсь?

Т: Да пожалуйста. Под руководством секретаря партийной организации, как партийное собрание проходила свадьба: в помещении парткома военного ансамбля...

Г: Это было, когда они еще учились в Китае?

Т: Да, учились уже год, это было в 1958 году. Нас было 56 человек. Была Стужина Эмилия Павловна.⁵³ Она умерла уже, просто чудо человек был. Вообще, много было замечательных людей в нашей группе. Мельниченко⁵⁴ – он сейчас работает в Питере на Восточном факультете. Был с вашего института⁵⁵ кто-то, сейчас скажу...

Г: Может быть, Васильев?

Т: Нет, Васильева точно не было. Воскресенский Дмитрий Николаевич⁵⁶ был, который в этой группе ехал как стажер. Он был на моей свадьбе в качестве посаженного отца, и он также сыграл свою роль в определении моей темы для диплома: он подарил мне в качестве свадебного подарка книжный том, посвященный Мо-цзы.

Г: У Вас тоже свадьба была в Китае?

Т: Да, да. Свадьба была в Китае. Первая свадьба в нашей группе была у Клименко. Лидия Михайловна Клименко – врач китайской медицины, ее муж, Клименко Борис, тоже врач китайской медицины. Были еще несколько врачей, и уже все умерли. Еще жив наш великий кардиолог, один из крупнейших наших, лауреат Государственной премии Мазур Николай Алексеевич.⁵⁷ Он работает в центре академика Чазова Е.И. в Институте усовершенствования врачей-кардиологов. Он тоже был в этой группе.

⁵² Хуан Шу-ин – Китаевед-филолог. В 1960-1990х преподавала китайский язык в ИСАА при МГУ. Автор ряда популярных учебников китайского языка. Соавтор нескольких учебников китайского языка, супруга российского китаевода М.Крюкова

⁵³ Стужина Эмилия Павловна (1931-1974). Китаевед, к.и.н. (1962), доцент (1967). Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1957). Специалист по социально-экономической истории Китая в средневековье и новое время

⁵⁴ Мельниченко Б.Н.– Китаевед. д.и.н., профессор СПбГУ (ЛГУ). Сфера научных интересов – история Китая, Таиланда, стран Юго-Восточной Азии. Преподаватель кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета (с 1961)

⁵⁵ Институт Востоковедения РАН

⁵⁶ Воскресенский Д.Н. (1926 г.р.). Китаевед, к.филол.н., филолог, литературовед, переводчик с китайского, заслуженный педагог МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор Литературного института им.М.Горького

⁵⁷ Мазур Н.А. Известный врач-кардиолог, автор учебных пособий и монографий по кардиологии

Г: А Борис Львович Рифтин⁵⁸ с вами был?

Т: Рифтин приезжал позже. Потом приезжал Петров,⁵⁹ тоже из Питера. Серебряков,⁶⁰ умер недавно, к сожалению, замечательный товарищ был. Кто еще...

Г: Да, всех не упомнишь.

Т: Да, всех не упомнишь, хотя я стараюсь на ваш вопрос о них ответить. Ну, вот, основные вот эти товарищи.

Г: Когда Вы пересекли границу и ступили на китайскую землю, Вам запомнился этот момент самой первой встречи с Китаем?

Т: Запомнился этот момент. Первая встреча с Китаем произошла ещё, когда мы долго стояли в Забайкальске. Тогда этот пункт назывался Отпор. Там я впервые увидел, как меняли колеса. Перед въездом надо было поменять колеса, у них ширина колеи другая. Вот, приехали мы в станцию Маньчжурия, охваченные большим энтузиазмом, и первым делом все побежали в китайский ресторан! Я помню, как мы в первый раз увидели китайское меню, написанное на двух языках: на китайском и на русском. И первое блюдо, которые мы попробовали, называлось так: «курица с перцами». Мы все заказали «курицу с перцами».

Г: Это наверное было блюдо «*гунбаоцзидин*»?

Т: Нет, это был *лацзыцзи* – «курица с перцами». Приехали мы в Пекин 14 февраля, это была годовщина Договора, я уже сказал об этом. Нас встретил замминистра образования, а вечером МИНИСТР (!) устроил в честь нашего приезда ужин в гостинице «Пекин», в старой части Пекина, на улице Чаньаньцзе. Угощали нас в тот вечер сычуаньской⁶¹ кухней. И для меня это самая любимая кухня с тех пор, как я её попробовал. Капуста по-сычуаньски, доуфу⁶² по-сычуаньски, острый, как раз «*гунбаоцзидин*» – курица с орешками, *лацзыжоу* (мясо с перцем), *мусюжоу* (мясо со сладким перцем, яйцом и грибами). В общем, был настоящий пир, нас даже угостили пивом, так как

⁵⁸ Рифтин Б.Л. (1932-2012) – Китаевед, д.филол.н. Академик РАН (2008). Крупнейший специалист по литературе Китая, стран Дальнего Востока и Центральной Азии

⁵⁹ Видимо – Петров Виктор Васильевич (1929-1987). Китаевед-филолог, литературовед, переводчик и педагог. Окончил востфак ЛГУ (1951). Преподаватель востфака ЛГУ (1951-1987). Член Союза писателей СССР (с 1957)

⁶⁰ Серебряков Е.А. (1928-2013). Китаевед, д.филол.н. Исследователь и переводчик классической китайской поэзии. Профессор ЛГУ (СПбГУ) с 1951. Завкафедрой китайской филологии (1960-1997)

⁶¹ Провинция Сычуань находится на юге центральной части КНР. Славится своей острой кухней

⁶² Доуфу (тофу) – очень популярный в Китае соевый продукт, получаемый путем свертывания (створаживания) белка соевого молока при нагревании. Полученный продукт часто прессуется

больше половины наших людей была старшего возраста: Воскресенский, Богачев, стажеры.

Г: После Вашего приезда было ли какое-то общение между советскими и китайскими студентами, аспирантами, стажерами?

Т: Было, мы встречались одно время. Мы регулярно встречались, последняя встреча была примерно лет пять назад. Осталось нас, к сожалению, немного в Москве, потому что разъехались многие... Да, Вася Максимовский был, моряк, виноградаря с Кубани. Он был моим другом. Было несколько человек из бывшего Института востоковедения, его Хрущев разогнал в 1959 году.

Г: Я немножко не то имел в виду. Во время пребывания в Китае Вы как-то общались со своими китайскими товарищами, сверстниками? Вот Вы же один были на философском факультете?

Т: Конечно. Общение, конечно, было. Во-первых, большая часть, вернее, не большая, а треть осталась в Пекинском университете, на специальном факультете китайского языка для иностранцев: мы же были только начинающими. Первое время занимались под руководством преподавателя Тяня. Ещё одна группа поступила в Народный университет,⁶³ а другие – в Педагогический университет (*шифаньдасюэ*), в разные части. Моя супруга, например, сначала вместе со мной занималась в Пекине, здесь мы и поженились. А потом ее отправили в Нанкайский университет в Тяньцзинь. Затем они тоже уехали на перевоспитание [в деревню], так что оттуда ее перевели в Шанхай. А потом и меня перевели в Шанхай. Часть наших училась в Народном университете: Шабалин,⁶⁴ Виноградов, Карев... Мы встречались! Во-первых, у нас было землячество, мы регулярно собирались. И у нас самая памятная встреча была, когда мы впервые познакомились лично, пообщались, как говорится, даже подержались за ручку с председателем Мао. И наши руки крепко, как клещами буквально, пожали товарищу Лю Шао-ци, Чжу Дэ,⁶⁵ Чжоу Энь-лай, Пэн Чжэнь,⁶⁶ Чэнь Юнь,⁶⁷ Дэн Сяо-пин,⁶⁸ Пэн Дэ-хуай,⁶⁹ а остальных я

⁶³ Народный университет Китая создан с помощью советников из СССР в 1950 г. Один из самых известных вузов КНР

⁶⁴ Шабалин В.И. – китаевед, главный научный сотрудник ИДВ РАН, Чрезвычайный и Полномочный посол в отставке, д.э.н.

⁶⁵ Чжу Дэ (1886-1976). Военный и политический деятель, маршал КНР, представитель «первого поколения» руководства КНР. Один из ближайших соратников Мао Цзэ-дуна, в годы «культурной революции» подвергся огульной критике, но репрессий избежал

⁶⁶ Пэн Чжэнь (1902-1997). Представитель первого поколения руководства КНР. Ответственный за кампанию «по упорядочению стиля» в партшколе в Яньани. Один из т.н. «восьми бессмертных» в руководстве КНР. Пострадал в годы «культурной революции», реабилитирован в 1978. Член Политбюро ЦК КПК, ПК ВСНП

не помню просто. Выдалась такая возможность, потому что во время визита К.Е.Ворошилова в апреле 1957 года его встречали с огромным подъемом. Много было и смешных историй в связи с этим. Но, в общем, действительно был всенародный энтузиазм. Его называли Фу Лао,⁷⁰ говорили: вот, Фу Лао приехал. Он приехал сначала в Пекинский университет, и мы, вся наша группа, все его сопровождали: он ходил, беседовал-встречался с ректором университета Ма Ин-чу, и с секретарем партийного комитета.... забыл его фамилию. И нас, десять человек из нашей группы, пригласили на прием в честь Ворошилова, который устраивал Чжоу Энь-лай в гостинице «Пекин». Тогда единственный и самый большой зал для приемов в Пекине был как раз в этой гостинице в старом Пекине: большой зал с колоннами. И вот, в этом зале был прием. Мы все сидели за одним столом. Ворошилов уже в ходе приема встал и решил обойти зал и со всеми чокаться. И хотя у китайцев это не принято, но они последовали его примеру и все, во главе с Мао Цзэ-дуном, пошли за ним. Во главе Ворошилов, за ним Мао Цзэ-дун, потом Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай,⁷¹ Чжу Дэ⁷²... и все они обходили все столы. Наконец, подошли к нашему столу.

⁶⁷ Чэнь Юнь (1905-1995) – Видный партийный и государственный деятель Китая, участник «Великого похода» китайской Красной армии, прошедшей в 1934-1936 с боями более 25 тыс. км с юга на север Китая, из Центрального советского района (пров. Цзянси) на Северо-Запад (пров. Шэньси-Ганьсу). В 1935 прибыл на учебу в СССР, где в 1936 опубликовал свои заметки о «Великом походе»

⁶⁸ Дэн Сяо-пин 鄧小平 (1904-1997). Партийный и государственный лидер КНР. Учился во Франции и в СССР (1925-1926). Глава секретариата ЦК КПК (1956-1966). Идеолог и теоретик КПК. Разработал национальную модель «социализма с китайской спецификой». Определил цели китайских реформ – преодоление бедности, отсталости, развитие производительных сил и обеспечение «среднезажиточного» уровня жизни народа, подъём духовной культуры. Выдвинул концепцию «одна страна – две системы»

⁶⁹ Пэн Дэ-хуай (1898-1974). Военный и политический деятель КНР. Был заместителем премьера Госсовета КНР и министром обороны. Маршал КНР. Известен своей критикой Мао и его политики «большого скачка». Погиб в результате жесточайших издевательств в годы «культурной революции». Посмертно реабилитирован

⁷⁰ Уважительное обращение к авторитетному человеку

⁷¹ Чжоу Энь-лай 周恩來 (1898-1976). Партийный и государственный лидер Китая. Член КПК (с 1922). С 1927 – член ЦК КПК, с 1928 – член ПБ ЦК КПК. В 1931-1934 возглавлял бюро ЦК КПК Центрального советского района. В 1937-1945 представлял КПК при гоминьдановском правительстве в Нанкине и Чунцине. 1949-1954 – премьер Госсовета КНР; 1949-1958 – министр иностранных дел КНР. В 1956-1966 и с 1973 – зам. председателя ЦК КПК. После гибели министра обороны КНР Линь Бяо (1971) Чжоу стал второй после Мао Цзэдуна фигурой в руководстве Китая. Умер в Пекине

⁷² Чжу Дэ 朱德 (1886-1976). Революционер, военачальник, маршал КНР (1955). Член Гоминьдана с 1912. Член КПК с 1922. В 1924 окончил философский факультет Гёттингенского университета. В СССР недолго учился в КУТВ и на курсах военного дела. С 1926 вел революционную работу в Шанхае. В 1928 участвовал в создании 4-го корпуса

Ворошилов: «А вы откуда, мои дорогие?» Мы ему: «Товарищ Ворошилов, мы студенты...». Он нас каждого обнял, расцеловал. Он был полон энтузиазма, видел, что свои. И вот, видя такие объятия, все китайцы сочли нужным также с нами поздороваться. Председатель Мао нам протянул свою ручку – она такая мягкая, теплая, и мы все за нее подержались. Потом неделю ходили, обвязав руки полотенцем – в самом деле, так и было! Ну, а как же: великий Вождь за эту руку держался! И все, кто был на приеме, так и ходили с полотенцем. Потом об этом писали в газетах. Это такой забавный, но характеризующий атмосферу эпизод.

Г: В общем, Вы в Пекине друг с другом общались?

Т: Да, мы общались. Проходили встречи, собрания проходили земляческие, нас регулярно приглашали в посольство для идеологической подпитки, так сказать. Китайские друзья нас приглашали на свои лекции, поэтому во время учебы я был на лекции Кан Шэна. Кстати, осталось очень неприятное впечатление, как он манерно говорит: сквозь зубы, не раскрывая рта. Было выступление Ху Яо-бана,⁷³ Линь Бяо,⁷⁴ Чэнь Бо-да,⁷⁵ из которого никто ничего не понял, потому что

Китайской Красной армии (командир – Чжу Дэ, комиссар – Мао Цзэ-дун). Главком ККА (1930). На III пленуме ЦК КПК избран кандидатом в члены ЦК КПК. Из-за разногласий с Мао Цзэ-дуном сослан в 1969-1970 в пров. Гуандун. В 1975 вновь избран председателем ПК ВСНП

⁷³ Ху Яо-бан 胡耀邦 (1915-1989, м.р. пров. Хунань). Партийный и государственный лидер КНР. Во время «культурной революции» был снят со всех постов. Генсек ЦК КПК (1980-1987) и председатель ЦК КПК (1981-1982). После усмирения студенческих волнений (1986) Дэн Сяо-пин развернул кампанию против «буржуазного либерализма». В 1987 на расширенном заседании ПБ ЦК КПК Ху Яо-бан обвинён в «идеологической расхлябанности», выступил с самокритикой и просьбой об отставке с поста генсека ЦК КПК. В 1987 переизбран членом ПБ ЦК КПК

⁷⁴ Линь Бяо 林彪 (1907-1971). Политик и государственный деятель, маршал(1955), министр обороны КНР. Один из идеологов «культурной революции». В 1969 на IX съезде КПК объявлен «преемником» Мао Цзэ-дуна, а в 1973 – «интриганом» и «национальным изменником». Погиб в авиакатастрофе в Монголии в августе 1971. После смерти лишён всех званий и объявлен изменником. В отличие от других руководителей КНР до сих пор не реабилитирован

⁷⁵ Чэнь Бо-да 陳伯達 (1904-1989). Член КПК с 1927. Учился в СССР, в УТК им. Сунь Ят-сена (1927-1930). С 1931 вел партийную и преподавательскую работу в Китае. В 1939 стал политическим секретарем Мао Цзэ-дуна. С 1946 – член ЦК КПК. В 1949 – вице-президент АН КНР. Кандидат в члены ПБ ЦК КПК (1956). Активный участник «культурной революции». В 1970 стал мишенью «критики Чэнь Бо-да» («лжемарксист, карьерист, твердолобый последователь Линь Бяо»), арестован в 1971. На процессе по делу «банды четырёх» (1980) приговорен к 18 годам тюрьмы. В 1988 освобожден по состоянию здоровья. Умер в Пекине

он говорил на каком-то совершенно жутком диалекте. Были выступления Чжоу Яна, Го Мо-жо.

Г: Выступление Го Мо-жо запомнилось?

Т: Вы знаете, я бы не сказал, что оно запомнилось: оно было какое-то общее, общеполитическое, ненаучное. Это была кампания мобилизации интеллигенции, борьба с «правыми», борьба со всякими. Из массовых кампаний мне запомнилось, как шла борьба с воробьями. Это было незабываемое зрелище, конечно, когда все гоняли воробьев. И не только в Пекинском университете, во всем Пекине! Иду я в столовую, а мой любимый учитель сидит на заборе и бьет в медный таз деревянной палкой. Увидел меня, отвернулся. Я тоже сделал вид, что его не вижу, так вот и разошлись. А потом, где-то часов в пять вечера, всех набитых воробьев собрали в огромные такие гирлянды. Студенты взяли длинные бамбуковые шесты, наверху на них гирлянды эти, и под звуки гонгов и барабанов понесли в центр, далеко, кстати, от Бэйда до пекинского горкома! И там сдали властям.

Г: Это сумасшествие какое-то было, просто сумасшествие!

Т: Сумасшествие. Потом воробьев этих «реабилитировали», и было еще более забавное зрелище, когда решением парламента сказано было, что они – «друзья человека». Но самое смешное с этими воробьями было в другом. Во время этой кампании все воробьи в центре города слетелись в советское посольство, которое располагалось там, где сейчас Верховный суд, и в английскую миссию, которая рядом расположена. Знаете, это здание как раз напротив гостиницы «Пекин», на улице Дяоминьсянь – бывший военный городок. И там ветки на деревьях ломались, все было усеяно этими воробьями. Товарищ Пэн Чжэнь – первый секретарь Пекинского горкома партии позвонил в английскую миссию и нашему послу и говорит: «Враги китайского народа скрылись на территории посольства».

Короче говоря, я не знаю, как поступили в английской миссии, но у нас даже была дана команда техническому персоналу гонять птиц. Сотрудников вооружили мелкокалиберными винтовками. Короче, воробьев выгоняли, этих «незаконных эмигрантов». Я хочу вспомнить тут еще одну потрясающую историю, которую рассказали мне проводники нашего поезда «Москва-Пекин». Я просто умилен был! В те времена советский поезд «Москва-Пекин» ходил. И вот, в этот поезд слетелись воробьи, попрятались во всех щелках, в которых можно было, и наши их не заметили. Эта пичужка, вы себе представляете – в кулак помещается, а насколько сообразительная! Как это они до этого дошли, никто не знает. Значит, прибывает поезд на первую после границы станцию на

нашей территории, - отпор и тут же огромная, многотысячная стая воробьев вылетает из этого поезда, делает вокруг него круг и остается, значит, на территории Советского Союза. Переехали, эмигрировали эти мудрые воробьи-пичужки вместе с поездом! Вот как это объяснить? Инстинкт выживания, видимо, такой.

Г: Базовый инстинкт, не иначе. Ещё вот какой вопрос: во время пребывания в Китае Вы общались со студентами из соцстран? Если общались, то как это происходило?

Т: Конечно, общались, у нас там был полный интернационал! Во-первых, нас там было очень много. Вот сегодня, как раз за обедом, я вспоминал товарищей, с которыми мы там познакомились. Например, с Закшевским – он учился там. Были поляки, болгары, албанцы, венгры, немцев очень много. Немец один с тех времен был моим большим другом, мы вместе работали. Я потом упомяну эту работу. Издали документы Коминтерна: «ВКП(б), Коминтерн и Китай», и в этом нашим большим помощником был профессор Фельбер⁷⁶ – известный немецкий ученый. Вы, может, знаете его, у него есть труды по истории КПК Были американцы, французы.

Г: Вам не запрещали с ними общаться?

Т: Нет... Причем очень такие, политически подкованные товарищи были. Еще был у нас такой очень забавный француз, он потом стал известным специалистом. Я, впрочем, фамилию побоюсь сейчас точно воспроизвести, у него книги перекликаются с работами Кобзева по сексу в Китае.

Г: Ну, француз же, конечно.

Т: Француз, да. У него был очень интересный прононс и интонации. В общем, по-китайски говорил с французским прононсом. И все время всех заставлял петь «Марсельезу». И, конечно, каждый раз рассказывал нам про особенности китайской эротической культуры. Были у нас две датчанки, причем очень интересные: одна была примерно полтора центнера весом, очень полная женщина. Ну, не женщина, а девушка, но очень больших размеров. А вторая была как кукла. Они две подруги были – одна, представляете, такая махина, мощная такая... У них обеих был очень характер хороший: веселые такие, и, видно, что очень дружные. Маленькая любила рассказывать смешные истории, а вторая датчанка любила слушать всех, и вообще, очень общительная была. Она начинала общение с того, что сначала что-то рассказывала, а потом

⁷⁶ Роланд Фельбер – немецкий синолог, профессор Гумбольдтского университета в Берлине. Родился около середины 1930х гг., умер около середины 2000х гг. Автор многих работ по истории Китая XIX-XX вв. Принимал участие в работе по систематизации и изданию документов Коминтерна по Китаю

начинала смеяться. Вы представляете, как она смеялась, «ха-ха», начинала раскачиваться, само по себе зрелище этой смеющейся женщины было очень забавным, с такой-то огромной массой...

Кроме того, большая была группа индонезийцев. И, кстати, индонезийцы пытались отбить у меня мою супругу: очень ухаживали за Галочкой. Очень большая группа была монголов.

Г: А с албанцами и венграми Вы общались?

Т: Общались, общались.

Г: Отношения же были в то время, наверно, напряженные.

Т: Нет-нет, это же были государственные отношения, а мы – молодежь, на нас это не влияло.

Г: С албанцами, вроде, позже начались сложности....

Т: Позже, в 1960-е годы. Нет, что Вы, албанцы были самые преданные друзья!

Г: Общались на русском языке?

Т: Там была смесь такая, русско-китайская.

Г: То есть, с кем-то можно было говорить по-русски, с кем-то по-китайски. С поляками, наверное, по-русски общались?

Т: Многие поляки говорили со своим прононсом, но нормально и по-русски, и по-китайски. У нас были очень дружные отношения. У нас была общая столовая, для всех иностранцев. Нами занималась *баньгунши* – канцелярия, Кэ Гао к ней относился: он ведал прежде всего нами. А главным начальником была госпожа Дай. Старая революционерка, стальная женщина. Мы с ней все вместе поднимались на священную гору Эмэйшань в провинции Сычуань. Это одна из святых гор в Китае, где сияние Будды можно наблюдать. Причем двойное сияние: ночное и дневное. Ночное за счет того, что в составе горы много фосфора: в жаркую погоду происходит испарение фосфора, скапливаются пары, и ночью вы приходите и видите потрясающее зрелище, мистическое: на вас движется шар, огненный шар такой. Переливается мерцающими огнями и движется что-то такое. А дневное сияние Будды, оно так происходило: высота горы три тысячи триста шесть метров, внизу – море облаков, и ты ложишься (там стоять нельзя). С одной стороны очень крутой подъем, по которому поднимались двое суток, а на вершине несколько домов. Там была резиденция Чан Кай-ши во время японской войны, ведь самолеты-бомбардировщики на такую высоту тогда не поднимались. И вот, внизу – море облаков. По краям растут эдельвейсы.... Это море облаков поднималось близко к уровню вершины, а над вершиной образовывался второй слой облаков, и солнце оказывалось между этими двумя слоями. И свет отражался и на вас

двигался, как в легенде, несколько солнц – желтых шаров. Мы трое суток сидели-ждали этого явления, но, к сожалению, так и не дождались. Облака мы видели, ночное сияние действительно видели, а вот дневное, к сожалению, нам не удалось увидеть. Не получилось такого сочетания.

Г: Михаил Леонтьевич, Вы так интересно рассказываете, что мы с Вами уже сильно засиделись воспоминаниями в Китае! Это прекрасно, но пора возвращаться! У меня вопрос такой: когда Вы вернулись в СССР, как Вы считаете, насколько Вас изменило пребывание в Китае?

Т: Вы знаете, конечно, пребывание в Китае меня изменило, оно приучило меня к определенному порядку действий, четкости, организованности, целеустремленности и умению встречать и преодолевать трудности, не бояться их. Рассматривать трудности как шанс, возможность чего-то нового.

Г: Сколько Вы в итоге пробыли в Китае?

Т Я закончил учебу в конце июля 1961 года. Когда вернулся в Москву, меня направили на курсы в армию на два месяца, на сборы. Потом вернулся, и мне сообщили мое новое распределение. Я собирался поступить в аспирантуру на философский факультет МГУ и начать заниматься преподавательской деятельностью, о чем я изначально мечтал. Но моим учителем мне было сказано, что в нашем консульстве в Шанхае освободилась должность, на которую еще не нашлось подходящей кандидатуры. Это была должность драгомана, раньше была у нас в посольстве такая дипломатическая должность, теперь ее нет.

Г: Она еще в шестидесятые годы была?

Т: Была. Я был драгоманом, одним из последних. Кстати, потом во время сборов я уехал в отпуск, а когда вернулся, полковник спрашивает: «Вы кем работаете?» А я говорю: «Драгоманом в генконсульстве в Шанхае». «Какие драги в Шанхае?» Он подумал, что драгоманы – это на драге по добыче золота. Я ему объяснил, что драгоман – это высокопрофессиональный переводчик, который является одновременно и переводчиком главы миссии, и его консультантом по стране, страноведом. Меня распределили в МИД, где я прошел месячную стажировку, а потом меня направили в консульство. В конце 1961 года я вернулся в наше генконсульство в Шанхае. Моим начальником был будущий заместитель директора Института Дальнего Востока Владимир Алексеевич Кривцов. Ну, и целый ряд других товарищей. И я, собственно, проработал там год. А потом Хрущев с Председателем Мао совсем разругались, и Хрущев решил в порядке наказания Мао закрыть наше генконсульство ...

Г: И что же, Вас перевели в Пекин?

Т: Да. Закрыли, значит, наше генконсульство: было сказано закрыть его до национального праздника 1 октября. То есть, мы закрыли его 30-го сентября. Нас всех распределили, а меня отозвали в Пекин. И я остался работать в Пекине: сначала атташе, потом третьим секретарем, а потом, после разгадки нескольких шарад китайской пропаганды, меня для продолжения разгадок отозвали в Москву, в ЦК, назначили референтом в отдел ЦК КПСС.

Г: Вы там с Андроповым работали?..

Т: Да, он меня лично встретил. Я приехал, и у меня была беседа с Юрием Владимировичем Андроповым.⁷⁷ Хочу сказать, что в тот период, когда у нас были очень плохие отношения с Китаем, настроения у нашего руководства, во всяком случае у Андропова и сотрудников отдела ЦК, были не антикитайские. Это были настроения людей, которые переживают, что их страны спорят. Сохранялся и какой-то полуутопический оптимизм, что рано или поздно отношения должны восстановиться.

Г: Антимаоистские настроения были, наверно: то есть, они считали, что если Мао не будет, все будет хорошо?

Т: Да, абсолютно. Поэтому основная критика по сути была направлена против Мао. И мне, собственно, было поручено выяснить, в чем истоки. Почему Мао Цзэ-дун сначала говорил, что надо склониться в сторону Советского Союза, а потом, значит... Каковы истоки взглядов Мао Цзэ-дуна. В теоретическом плане я свою мечту не оставил: поступил в заочную аспирантуру на философский факультет МГУ, диссертацию защитил в 1965 году.

Г: Как Вы совмещали все это?

Т: Это было очень непросто. Собственно, у меня отпусков не было. Выходных у меня не было. Вечеров у меня не было. Я включал магнитофон и под музыку Скрябина, Листа, Чайковского и Грига писал свою диссертацию. Поэтому если я сейчас открываю свою книжку о Мо-цзы и начинаю читать, когда я дохожу до главы, посвященной теории познания Мао Цзэдуна: «ТА-ТАТА-ТА – ТУМ!» - музыка начинает звучать в ушах. И вся эта ситуация, как вы можете понимать, она озвучена, наложена на музыку. В посольстве знали, что Титаренко пишет свою диссертацию и терпимо к этому относились, и я писал ее именно под музыку. Поэтому, когда я ее закончил, то для меня Первый концерт Чайковского, Шестая симфония Чайковского, концерты Листа и Грига, они были сопровождением моей диссертации.

Г: Вашим секретным способом написания диссертации, так сказать.

⁷⁷ Андропов Юрий Владимирович (1914-1984). Государственный и партийный лидер СССР. Председатель КГБ СССР (1967-1982), генсек ЦК КПСС (1982-1984), Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1983-1984)

Т: Вы знаете, этот метод изобрел не я, этот метод изобрел Кювье⁷⁸ – великий французский биолог, который говорил, что если устал, то нужно заняться другой деятельностью, отвлечься от главной работы. Вот такой способ, и мне тоже помогал. Так что в аспирантуру я поступил, находясь на работе в посольстве, будучи уже третьим секретарем. Отпуска я посвящал сдаче аспирантских экзаменов, консультациям. Руководителем моим был мой бывший учитель по философии, профессор Василий Васильевич Соколов.⁷⁹ Он жив еще, сейчас ему больше девяноста лет, на философском факультете МГУ преподает еще. Специалист отличный, несколько монографий посвятил средневековой философии Европы, Спинозе, интересный человек.

Д: Он и у меня преподавал.

Т: Да, помните его? Такой отрешенный, идет и мечтает, портфель по земле волочится... Очень интересный человек, конечно. Он был моим руководителем.

Г: Михаил Леонтьевич, а в чем была главная идея Вашей диссертации? Как бы Вы ее определили?

Т: Главная идея диссертации, мне такую установку давал Василий Васильевич Соколов, и я с ним полностью согласен, я ее по-своему развил. Она состоит в том, что Мо-цзы – это уникальный случай в истории мировой философии, когда в совершенно иной социально-исторической ситуации возникло учение, аналогичное древнегреческой философии Демокрита и Аристотеля. Оно не могло развиваться, потому что ситуация этого не позволяла, но возникло! Одинаковые идеи! Совершенно потрясающе. Мне Василием Васильевичем была дана установка найти, так сказать, параллели. Вот я их нашел, эти параллели. И, собственно, то, что я нашел, стало ответом на вопрос: почему естественные науки в Китае не получили развития? Потому что если бы философия Мо-цзы не погибла, Китай мог бы вырваться на самые передовые позиции. Не этика и политика стали бы доминантами в китайской культуре, а логика и метафизика.

Д: Вот такой рационализм был.

Т: Да. Он был задушен конфуцианством, легизмом. И он, собственно, возник, возродился снова, когда элементы европейской науки вместе с иезуитами пришли в Китай. Современные китайцы говорят: «Ну, что это они нам

⁷⁸ Кювье Жорж Леопольд (1769-1832) – французский естествоиспытатель, натуралист. Считается основателем сравнительной анатомии и палеонтологии. Крупнейший специалист-зоолог конца 18-начала 19 вв. Его брат Фредерик Кювье (1773-1838) также был выдающимся зоологом. В тексте неясно о каком из братьев идет речь

⁷⁹ Соколов В. В. (1919 г.р.) – Философ, д. филос. н. (1962), специалист по истории зарубежной философии. Заслуженный профессор МГУ (1994). Действительный член (академик) РАЕН

открывают, выражаясь современным языком, Америку? У нас собственный мир такой». И когда уже в конце XIX века социалистические идеи стали проникать в китайское общество, тут вспомнили опять-таки об идее всеобщей любви и взаимной выгоды, почитании мудрости, почитании единства. То есть, вспомнили Мо-цзы. Предполагаю, что и христианство тоже развивало это идеи. Наши противники – католики и иезуиты – это все проповедовали. Православные не очень активно занимались миссионерством. Они занимались изучением Китая, собственно говоря, поэтому Русская Духовная миссия и стала основоположником нашего китаеведения. Как такового, как науки – страноведческой науки о Китае. И поэтому у нас собственно те же самые идеи: «возлюби ближнего своего как самого себя, и тебя будут тоже любить. Не навреди. Видите, как эти идеи перекликаются с раннехристианскими утопическими.

Г: Как получилось, что Вы с древних философов плавно перекочевали на современных мыслителей?

Т: Ну, не скажу, что плавно, это было трудно. Во-первых, это было задание на работе. Когда я работал в посольстве, то я был, как меня называли мои друзья, «философ Шанхайского уезда». И вот как раз по работе мне пришлось решать следующие задачи... Понимаете, у китайцев, у высшего руководящего звена (правда, я Тайвань с этой точки зрения не изучал, поэтому не берусь судить), существует свой специальный жаргон, который самим китайцам не всем понятен. Я вообще нашим китайским партнёрам говорю, что это не очень хорошая вещь. Конечно, хорошо, что вам удаётся приезжим иностранцам загадывать загадки, шарады, которые им приходится по полгода-году разгадывать. Последняя шарада – «три-восемь-три». Вы знаете, что такое «три-восемь-три»?

Г: Нет.

Т: Ну, вот видите.

Т: Это главная шарада предстоящего Пленума. 3-8-3.

Г: Три принципа, восемь пунктов, что-то в этом роде...

Т: Три принципа, восемь пунктов и три единства.

Г: Без единства уж никак нельзя!

Т: А вы попробуйте почитать доклад! Вот вы читаете Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Мао Цзэ-дуна. Они писали языком, который любой ГРАМОТНЫЙ человек, читая, поймет. Возьмите доклад очень уважаемого

политического деятеля товарища Ху Цзинь-тао:⁸⁰ треть текста вы сразу не поймете. Что такое восемь направлений? Что такое пять направлений? Что такое четыре принципа? Сразу не понятно.

Г: У нас тоже был такой жаргон! «Весь советский народ в едином порыве... пятилетку – в 4 года!» Смысл, конечно, немного другой, но, тем не менее... Это стиль, скорее.

Т: Ну, здесь-то все понятно, никаких шарад.

Г: У нас были такие «шарады», как «десять лет без права переписки».

Т: Нет. Здесь совсем другое дело. Терминология политики, она как бы зашифрована.

Г: Кастовость, выходит, это создает.

Т: Да, это создает очень опасное явление. Когда правительство говорит народу о вещах, которые ему недоступны! И когда я задал вопрос во время поездки, что такое «три-восемь-три» моему очень важному коллеге, директору института, он мне тут же сказал только *дагайды усы* (общий смысл). Но вот детально расшифровать...

Д: Но ведь наверняка есть какие-то вспомогательные шифры.

Т: Понятное дело. Для того чтобы прочитать доклад, надо создавать специальный словарь терминов. И расшифровывать их, словом «нумерологические шарады».

Г: Это тоже китайская традиция, причем очень давняя.

Т: Да, но в политическом плане, я бы сказал, не самая лучшая. Происходит разрыв между уровнями сознания элиты и основной массы рядовых граждан.

Г: Раньше это были конфуцианские ученые, а теперь это делают коммунистические бонзы. Но в итоге эти «шарады» Вы, наверно, разгадали в своей докторской диссертации?

Т: Нет, я в докторской диссертации «шарады» не разгадывал. Тема моей докторской работы «Истоки и методология идей Мао Цзэ-дуна»⁸¹. Она стала в известной мере практической и прогностической. Так что я в данном случае отталкивался от Мо-цзы, идеи которого, кстати говоря, стали истоками народнического маоизма.

⁸⁰ Ху Цзинь-тао 胡錦濤 (1942 г.р.). Партийный и государственный лидер КНР. Председатель КНР (2003-2013), генсек ЦК КПК (2002-2012), председатель Центрального военного совета КНР (2005-2013), председатель Центрального военного совета ЦК КПК (2004-2012). Окончил Политехнический университет Цинхуа (1964). После «культурной революции» вернулся на партработу. Представитель т.н. «4-го поколения» лидеров КНР (предшественники: Мао Цзэ-дун, Дэн Сяо-пин, Цзян Цзэ-минь)

⁸¹ «Критика методологических основ идеологии и политики маоизма»

Д: Жесткость от легизма...

Т: Да. И конфуцианство еще с его идеей китаизации всего. Откуда взялась идея соединить марксизм и ленинизм, это для сторонников коммунизма стало ортодоксией, так сказать. А идеи марксизма с идеями Цинь Ши-хуана? Для европейских коммунистов-сторонников ортодоксии, для людей, у которых демократия является альфой и омегой, говорить о Цинь Ши-хуане это...богохульство! А здесь (в Китае) это вполне нормальное явление.

Одной из моих разгадок, печальных, к сожалению, стал ответ на поступивший запрос о том, что может означать публикация стихотворения Мао с аллюзиями на известного героя китайского средневековья – эпохи Сун – Юэ Фэя.⁸² Я сказал, что, к сожалению, это может означать всеобщую мобилизацию и возможность кровопролития на границе с Советским Союзом. Так и произошло. Потом стало известно, что Мао Цзэ-дун дал указание превратить советско-китайскую границу в сплошную кровоточащую рану. Щупать, простите за выражение, так в оригинале, «пощупать зад у тигра». Вот они все время и «щупали зад». И одно из крупных щупаний было в 1969 году на Даманском.⁸³ Инцидент должен был показать, что советско-китайский договор – это бумажка, которую можно выбросить. После этого последовал тайный визит Киссинджера, визит президента Никсона, в ходе которого было достигнуто негласное устное соглашение о едином антисоветском фронте Китая и США. Это привело к тому, что Советский Союз был вынужден отбросить все свои планы мирного развития, и все средства были переключены на оборону. На одну границу были потрачены просто колоссальные, совершенно фантастические средства. По нынешним понятиям, более триллиона долларов, не рублей! Граница стала местом, где зайцев ловили, даже анекдоты стали появляться на эту тему. В Благовещенске не могли горожане к реке подойти... Нельзя было купаться. Был такой поворот в китайско-советских отношениях. Но вскоре китайцы поняли, что американцы хотят использовать Китай в своих целях. И первым это понял, кстати, Ху Яо-бан, чем очень не угодил господину Дэн Сяо-пину... Я хочу сказать, что китайцы поняли, что Америка Китаю никаких подарков делать не собирается: они будут

⁸² Юэ Фэй (1103-1141). Полководец эпохи Южная Сун, прославившийся защитой Отечества, давший отпор чжурчжэням и призывавший к возвращению китайских земель 還我河山, захваченных иноземцами. Считается воплощением высоких моральных принципов

⁸³ События 2 и 15 марта 1969 на острове Даманский – вооруженное столкновение между советским и китайскими военными, когда последние пытались захватить небольшой остров Даманский (Чжэньбао дао) в фарватере р.Уссури. В ходе инцидента погибли 32 советских пограничника. В 1991, в результате переговоров по окончательной демаркации российско-китайской границы, о. Даманский отошел к КНР

использовать Китай исходя из своих интересов. А, значит, и Китай может использовать США в своих интересах. Поэтому Китай будет проводить свою самостоятельную политику. Что им в известном плане удалось. И они переиграли, в известной мере, американцев, создав ситуацию взаимозависимости. В отличие от СССР, который тратил колоссальные средства на гонку вооружений с американцами, на борьбу с ними. Китайцы прикрылись Америкой в определенной степени и продолжили свое развитие. При этом методологические принципы они опять взяли у Конфуция. И вот поэтому я считал и считаю: чтобы понять политику Китая, не только Мао Цзэ-дуна, но политику Китая в целом, необходимо освоить и понимать философские принципы китайской культуры, китайской цивилизации. А принцип, по которому Китай долго строился, главный принцип Мао Цзэ-дуна, был «придумать врага», «создать противоречие». С другой стороны, Дэн Сяопин понял, что это ни к чему хорошему не приведет. Нужно гармонизировать всё. Нужно не врагов придумывать, а найти понимание, точки соприкосновения, и создать, как сказал Цзян Цзэ-минь⁸⁴ в своей лекции в Йельском университете, гармоничное единство различий – «хэ эр бу тун». Впервые он объявил, что они руководствуются именно этим принципом Конфуция. Различные, но гармонично объединенные. Гармония различного, даже противоположного. И вместо маоцзэдуновской формулы «*и фэнь вэй эр*» – «разделение единого надвое», они взяли формулу по-настоящему великого китайского средневекового философа Фан И-чжи⁸⁵ «*хэ эр эр и*» – «соединение противоположностей в единое». И вот пожалуйста, они с американцами соединились. Взаимное, так сказать, «*хэ эр бутун*» – «неодинаковое соединено вместе».

Д: Тут такой тонкий момент есть: определенное время американцы даже думали, что это они придумали политику вовлечения (engagement), искренне в это верили.

⁸⁴ Цзян Цзэ-минь (江泽民, 1926 г.р.) Партийный и государственный деятель КНР, генсек ЦК КПК (1989-2002) и Председатель КНР (1993-2003), председатель Военного совета ЦК КПК (1989-2004) и Центрального военного совета КНР (1990-2005).

⁸⁵ Фан И-чжи (1611-1671). Ученый и патриот. Имел высшую ученую степень *цзиньши*. В молодости – участник реформаторской группы «Общество возрождения», выступавшей против коррупции, дворцовых интриг, непоследовательной внешней и внутренней политики. Впервые в истории китайской мысли предложил термины, разделявшие философию и науку. Считался идейным предшественником китайских реформаторов XIX в. // Цит. по «Китайская философия: энциклопедический словарь» – М., 1994 г. Стр. 418-419

Т: В каком-то смысле американцы тоже придумали эту политику, они активно использовали это дело. Элемент вовлечения был частью этого единства «хэ». В общем, стороны использовали друг друга.

Г: Обе стороны получили от этого определенную выгоду, китайцы даже большую.

Т: Да-да, они друг друга использовали. И сейчас то же самое происходит... Доллар поддерживается всем состоянием китайского золотовалютного запаса, а оно составляет «всего лишь» три с половиной триллиона. У кого еще столько средств есть?

Г: Михаил Леонтьевич, нам, как молодым коллегам, интересно узнать еще об одном научном «последствии» всех этих политических пертурбаций – создании Института Дальнего Востока (ИДВ). Как он возник?

Т: Я принимал участие в его воссоздании. Когда я был приглашен на беседу с Андроповым, Юрий Владимирович говорит: «Я слышал, что Вы увлекаетесь китайской философией». Он так позитивно об этом выразился: «Китай – наш большой сосед, нам нужно хорошо знать Китай. У нас был Институт китаеведения, но, к сожалению, его ошибочно закрыли. Нам нужно создать другой институт, который серьезно занимался бы изучением всех аспектов жизни Китая. А в перспективе все-таки искать пути нормализации отношений с Китаем. Мы большие страны, мы – соседи. И оттого, что мы ругаемся, пользы ни для нас, ни для них нет». Это была позиция социалистического интернационализма, солидарности, которую тогдашнее руководство Китая – Мао Цзэ-дун и его окружение – всерьез не воспринимали. Дело в том, что в китайском языке понятие интернационализм – это «объединение народов». Это как раз «хээрбутун». А у нас интернационализм обозначает, так сказать, нивелирование различий.

Д: Но там были разные трактовки, они в несколько этапов складывались.

Т: Нет-нет, понимаете, интернационализм обозначает сближение взглядов, единственность взглядов, солидарность и единство действий. Отсюда, кстати, и появился термин «советский народ». Национальные особенности сохраняются, но есть единый советский народ. У китайских товарищей этого нет. Потому что «советский народ» означает создание симфонии народов. То есть, по сути дела, это термин, о котором товарищ Мао Цзэ-дун говорил так (говорит по-китайски): «Концепция «советского народа» зародилась в стране, откуда происходит и сама евразийская идея (*оуя чжун сысян*). Она прежде всего относится к национальной культуре, отношениям между народами... Они строятся по горизонтальному принципу взаимодействия, на равных. В Китае и

Европе ситуация иная: там более отсталые народы подтягиваются до уровня передовых» (конец цитаты, переходит на русский язык). Видите, в СССР отношения строились по горизонтали. Поэтому, мы разные культуры «дотягивали» до своего уровня за счет симфонии. Поэтому для нас отношения между разными культурами – это отношения между группами инструментов симфонического оркестра. И в этом смысл слов о том, что ни одна культура не должна быть уничтожена. Без нее утрачивается симфония. Поэтому камертон – он единственный в оркестре. Так же, как и гонг. Барабанов там два-три всего. Ну, может быть и больше, но гонг – один. Камертон тоже один. Но без него наиболее сложные симфонические произведения исполнить нельзя. Поэтому, как сказал недавно наш новый лидер российских народов Владимир Владимирович Путин – президент России – он сказал, что «особенность русской культуры состоит в том, что Россия за всю свою историю ни один народ не уничтожила, ни один народ не ассимилировала. А все народы, которые были, когда образовывалась великая Русь, они существуют и поныне. В то время как другие культуры, строящиеся по принципу вертикали, где они? Где маньчжуры? Где кидани? Где Ляо? Где они все? От киданей остались одни ойраты, которые именуются горноалтайцами на территории России.

Г: Можем ли мы все-таки вернуться к ИДВ?

Т: Конечно. Когда Юрий Владимирович говорил, что нам нужно больше знать о Китае, это была не антикитайская позиция, это была попытка наладить, нормализовать отношения. Найти платформу, на которой можно было бы выстроить позицию для взаимоотношений. А в данном случае конкретно моей задачей было: разоблачить маоизм. Еще одна задача, которая ставилась перед наукой – обосновать с научной точки зрения возникновение российско-китайской границы. Это огромная задача. Институт китаеведения, который был создан, он существовал все время в разных вариантах: то его переименовывали в Тихоокеанский институт, то его вливали в Институт востоковедения, то его «выливали» и создавали Институт китаеведения... Но потом до председателя Мао дошла весть о том, что в СССР в 1956 году путем отщепления от Института востоковедения был создан Институт китаеведения, и что существует журнал «Советское китаеведение». Очевидно, какой-то не очень грамотный знаток русского языка доложил председателю Мао, что в Советском Союзе существует институт по РУКОВОДСТВУ Китаем. Слово «ведение» было переведено в смысле «руководство», а не в смысле «изучение», «исследование», у него же два смысла. Председатель Мао воспринял это очень нервно, пригласил нашего посла и высказал все, что он по этому поводу думает.

Сказал: «Мы предоставляем вам информацию, разве вам этого недостаточно?» Посол сказал, что, конечно, достаточно. Ушла телеграмма в Москву, что возникло вот такое-сякое дело: китайские товарищи очень недовольны. После того, как Хрущев получил телеграмму, последовало указание разобраться, а тогда науку у нас курировал «великий мудрец восточный», узбекский товарищ Мухитдинов. Тот, который был в Президиуме ЦК КПСС. Было предписано «разобраться и принять меры». Товарищ Мухитдинов разобрался и принял меры: закрыли Институт китаеведения, Институт востоковедения, который в Сокольниках находился, и где готовили страноведческие кадры по Китаю и другим странам. Там обучали 25 восточным языкам! Это был один из старейших таких институтов не только России, но и в мире, еще с царских времен существовал. Так вот, институт этот закрыли, журнал «Советское китаеведение» тоже закрыли. Потом уже, когда появились статьи «Да здравствует ленинизм!» и другие полемические материалы наших китайских партнеров, было приказано разобраться, что же там происходит, что происходит с нашей великой и нерушимой дружбой с Китаем. Был создан Отдел истории Китая при Институте мировой социалистической системы. Возглавлял его одно время Сергей Леонидович [Тихвинский],⁸⁶ потом Л.П. Делюсин,⁸⁷ потом еще кто-то, я уже не помню кто.... Короче говоря, когда меня пригласили в ЦК, одной из первых задач стала подготовка предложения о воссоздании института, над которым мы работали совместно с Отделом науки, где этим направлением ведал тогда В. Иванов, и с Кюзяджаном из отдела информации: был такой специальный отдел в ЦК. Ну, а для того, чтобы у наших друзей не возникали подозрения в том, что мы тут кем-то собираемся руководить: термины «японоведение», «американоведение» и другие «ведения» и т.п. из названий всех исследовательских институтов было исключено. Вместо этого возник Институт Дальнего Востока. Нейтральная такая формулировка. Первоначальной его задачей было определено изучение Китая, его внутреннего

⁸⁶ Тихвинский Сергей Леонидович (1918 г.р., Петроград). Китаевед, д.и.н. (1953), академик АН СССР (1981). Служил на дипломатической работе в Китае, Англии, Японии (1939-1957). Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР (с 1966). Директор Института китаеведения (1960), замдиректора Института народов Азии (1961-1963). Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

⁸⁷ Делюсин Лев Петрович (1923-2013). Китаевед, д.и.н. (1971). Участник Великой Отечественной войны (1942-1944). Корреспондент газеты «Правда» в КНР (1950-1953). Ответственный работник ЦК КПСС (1959-1965). Научный сотрудник и заведующий отделом Китая ИВ АН СССР (1967-1990). Интервью с Л.П. Делюсиным для проекта «Китаеведение – устная история» см.: <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/act02.php> и <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

положения, внешней политики, изучение истории формирования российско-китайской границы на основании исторических документов. Ну, и выявление, так сказать, недружественных действий Мао Цзэ-дуна и его окружения.

Г: А как в контекст всех этих действий вписывалось издание двухтомника китайской философии? Вы же какое-то отношение имеете к этому?

Т: Я хочу подчеркнуть еще раз, что все эти наши действия не носили антикитайского характера. А мое-то понимание было, о чем я с самого начала сказал, таким: чтобы понять Китай, нужно знать его философию. Поэтому я написал записку по этому поводу, ее одобрил Юрий Владимирович и даже доложил куда-то наверх. Но я уже о деталях дальнейшего движения этой записки не знаю. Затем мне было поручено поддерживать, так сказать, позитивные публикации о Китае. А у нас была такая структура, так называемый «Главлит»,⁸⁸ которой была дана инструкция: всякие публикации о Китае запрещать. Значит, там у них было одно указание, а у меня – другое. Все позитивные книги, которые вышли во время китайско-советской полемики (товарищи многие не знают этого. Вот я вам раскрываю тайну) публиковались так: в издательство приходит запрет о выпуске какой-то книги, но они знают, что в отделе ЦК есть некий Титаренко, которому дано задание сортировать книги. И посылают мне, например, книгу Гельбраса⁸⁹ о социально-экономическом строе Китая. С резолюцией: запретить. Не публиковать. И вот я, параллельно с моей работой, ночами сижу, читаю Гельбраса, а читать его – удовольствие, прямо скажем, ниже среднего, и пишу свое заключение: считаю целесообразным книгу издать. Книга выходит. Или, например, идет полемика между одним из наших известных, практически последних наших евразийцев, Львом Николаевичем Гумилёвым,⁹⁰ и нашим академиком Бромлеем.⁹¹ А Гумилёв – доктор наук «всего лишь», хотя и двух наук, но все-таки всего лишь доктор. Тут Бромлей набрасывается, как коршун, на Гумилёва, и все его книги запрещает. Мне присылают его книги: «Хунны»,⁹² «Потерянное царство»⁹³ и другие. И опять я им субботу-воскресенье посвящаю чтению, и опять пишу свою рецензию, докладываю начальству, что эти книги целесообразно издать.

⁸⁸ Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств, которое в СССР ведало вопросами публикации печатных произведений

⁸⁹ Гельбрас В.Г. (1930 г.р.). Китаевед, к.э.н., д.и.н., профессор ИСАА МГУ

⁹⁰ Гумилёв Лев Николаевич (1912-1992). Российский историк-этнолог, востоковед, д.и.н., д.геогр.н., переводчик, основоположник пассионарной теории этногенеза

⁹¹ Бромлей Ю.В. (1921-1990). Этнолог, д.и.н., академик АН СССР. Основоположник дуалистической концепции этноса, противник пассионарной теории Л.Н.Гумилева

⁹² Гумилев Л.Н. Хунны в Китае, М.: Наука, 1974

⁹³ Гумилёв Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970

Г: Их издали? И как ЦК относился к спорам про «азиатский способ производства», позитивно или негативно?

Т: Они просто относились: пусть спорят, это полезно. Никто не запрещал этот спор. Спорить запрещают среди чиновников от науки – людей, которые хотят быть праведнее Папы Римского, и думают, что они выше тех людей, которые занимаются непосредственно наукой.

Г: Тогда был грех большой – попытка выезда в Израиль, сейчас-то она уже не кажется грехом...

Т: Я на самом деле не имел к этому никакого отношения, я же не занимался Израилем...

Г: Я хотел спросить, как вы относитесь к Рубину⁹⁴ сейчас? К его работам?

Т: Рубин был действительно очень серьезный специалист. Первое мое знакомство с работами Го Мо-жо случилось через его рефераты этих работ в «Вестнике»: он же там работал, в информационном отделе фундаментальной библиотеки. Они были сделаны очень квалифицированно, адекватно. А его другие взгляды, я не занимался специально изучением его взглядов, поэтому сказать ничего не могу. Могу сказать, что те работы, в которых он излагал историю Китая и историю китайской идеологии, вполне профессиональны и, на мой взгляд, вполне заслуживают внимания. Сбрасывать их со счетов нельзя.

Исходя из всего этого, я, во-первых, поддержал публикации Ян Хин-шуна.⁹⁵ Выступил там даже, писал предисловие к его книжке.... Очень активно я поддержал издание книг Позднеевой⁹⁶: ее переводы книг по китайской философии.

Г: Двухтомник был с Вашего одобрения выпущен?

Т: Сейчас скажу про двухтомник. Вообще, я был его инициатором. Дело в том, что по поводу книг Позднеевой были всякие мнения. Я лично считаю, что это, конечно, ее право как ученого, но этого не нужно было делать. Переводить фамилии китайские на русский язык. Это придает тексту совершенно экзотический характер: больше внимания обращаешь не на идеи, а на фамилии.

Д: Да, очень трудно соотнести с китайским текстом. Но все равно, красивый текст. Эти выразительные образы запоминаются, конечно, очень легко.

⁹⁴ Рубин В.А. (1923-1981). Китаевед, к.и.н., историк китайской философии. Работал референтом в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР. Участник диссидентского движения, член первого состава Московской Хельсинкской группы. Эмигрировал в Израиль

⁹⁵ Ян Хин-шун (1904-1989). Китаевед, д.филос.н. (1968). Сотрудник института философии АН СССР (с 1948). См.: Ян Хиншун. Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение – М., 1950. 159 с., 1955. 136 с.

⁹⁶ Позднеева Л.В. (1908-197). Китаевед, литературовед, переводчик китайской литературы

Т: Конечно, это есть, поэтому выпуск я поддержал. У меня были очень тесные отношения со всеми ведущими специалистами: и Симоновской, и Позднеевой, и Юрьевым. Естественно, и со Сладковским,⁹⁷ Глуниным,⁹⁸ – всеми этими товарищами. И вот, мы собрались с Буровым⁹⁹ и решили: давайте организуем такую небольшую антологию по китайской философии. Вышел двухтомник издательства «Мысль» в 1971-1972 годах. Поскольку у меня просто времени не было переводить, тексты очень трудные, я попросил В.С. Таскина.¹⁰⁰ Он перевел тексты, я выступил редактором и написал предисловие по истории китайской философии. А когда возникли, так сказать, новые веяния с возможностью улучшения отношений с Китаем, вышло так, что Михаил Иосифович [Сладковский] – наш директор, сильно пострадал в личном плане. Несколько ударов ему досталось: сначала умерла дочь, потом жена. Ну, и он сам не выдержал этих испытаний, сильно заболел. В общем, институт остался без руководства, начал распадаться. Тогда еще были заместители директора по режиму. Так вот, в институте режимщиком был бывший сотрудник СМЕРШа, он там всех сотрудников держал...

Г: В кулаке?

Т: Нет, «лучше». «К стенке!» Запугивал, короче говоря. Ну вот, меня направили туда, в этот институт. Пригласил меня П.Н.Федосеев – вице-президент [АН СССР],¹⁰¹ который курировал общественные науки.

Г: Какой это год был?

Т: Восемьдесят пятый.

Г: То есть, уже перестройка началась. И в этот момент, с Вашим приходом произошел перелом? От критики маоизма к улучшению отношений?

⁹⁷ Сладковский Михаил Иосифович (1906-1985). Китаевед, исследовал историю экономических отношений в Китае. Окончил Востфак ДВГУ (1930). Д.э.н. (1958). Членкор АН СССР (1972). Директор ИДВ АН СССР (1967-1985)

⁹⁸ Глунин Владимир Иванович (1924-2004). Китаевед, д.и.н. (1977). Окончил МИВ (1951). Преподавал в МИВ (1952-1954). Сотрудник ИВ АН СССР (1955-1964), ИДВ АН СССР (с 1966). Изучал новейшую историю Китая

⁹⁹ Буров Владилен Георгиевич (1931 г.р.). Китаевед, д.ф.н. Родился в Харбине. С 1959 работает в Институте философии АН СССР (РАН)

¹⁰⁰ Таскин В.С. (1917-1995). Китаевед, к.и.н., переводчик, научный редактор. Учился в Харбине, работал на КЧЖД. Работал над переводом «Ши цзин» и составлением Большого китайско-русского словаря. Главное место в научном наследии занимают труды по истории сюнну

¹⁰¹ Федосеев П.Н. (1908-1990). Сотрудник, позже директор Института философии АН СССР, работал в аппарате ЦК, Академии общественных наук при ЦК КПСС, гл.редактором журнала «Большевик», «Партийная жизнь». В 1971-88 – вице-президент АН СССР

Т: Да-да. Я считаю это одним из достижений: не своим личным, но нашего института – то, что нам удалось в очень трудных условиях создать концепцию нормализации отношений. Рождалась она очень непросто, но она прошла и получила поддержку, ее поддержали многие наши товарищи. Там было окружение, так сказать, либеральное: и Бовин, и Лукин, и другие. То есть, процесс, как говорится, пошел. А вторым достижением я считаю то, что нам удалось доказать, что надо считать реальностью ситуацию на Корейском полуострове и признать Южную Корею как самостоятельное государство. По этому поводу Шеварднадзе¹⁰² считал, что этого Титаренко надо бы ... уволить в общем. А потом сам же досрочно поспешил установить отношения, когда его южнокорейские друзья всякими «милостями» осыпали. Вообще институт очень многое сделал. Мы начали ту фундаментальную работу, которая институтом и сейчас продолжается. Например, институтом подготовлена фундаментальная история российско-китайской границы, которая стала научной основой наших переговоров с китайскими партнерами. Начали издаваться документы за 400-летнюю историю границы. Это и сейчас продолжается, уже вышло 12 томов. Но сейчас с этим у нас большие трудности, потому что документы XVII-XVIII вв. в основном записаны на маньчжурском, тибетском и древнемонгольском языках. Читать, переводить и расшифровывать их некому. У нас есть одна-единственная Ирина Тимофеевна Мороз, мы с нее пылинки сдуваем. Она бесценный специалист. Но ей более 85 лет, а больше у нас специалистов нет.

Г: Как Ваш институт пережил распад Союза, как он изменился после этого?

Т: Пережили. Но мы выжили потому, что, во-первых, я призвал весь коллектив продолжать работать. Я считал и считаю, что деньги, которые нам выделили на нормализацию отношений, нужно продолжать использовать. Нам нужно было убедить новое руководство страны принять концепцию необходимости нормализации отношений с Китаем, которая была связана с Горбачевым. Воспринять то, что было сделано. Когда в 1992 году возник вопрос, ехать ли Ельцину в Китай или не ехать – много было против того, чтоб ехать, потому что определенная часть китайских товарищей поддержала ГКЧП, даже контакты установили. Поэтому у Ельцина были сомнения. Но я хотел сказать, что разумная позиция, которую занял Цзян Цзэ-минь, и позиция части нашей элиты, подпитываемая всевозможными средствами со стороны нашего института, убедили Ельцина, что ему необходимо ехать и развивать линию нормализации отношений с Китаем. Ельцин эту линию поддержал, он поехал в

¹⁰² Шеварднадзе Эдуард Амбросьевич (1928 г.р.). Политический деятель, министр иностранных дел СССР (1985-1990), Президент Грузии (1995-2003)

Китай. Во время своего пребывания в Китае он хотел побольше познакомиться с Китаем, но Чубайс и вся эта братия, они боялись, что Ельцин слишком увлечется китайским опытом.

Г: Даже так?

Т: Даже так. Поэтому была направлена телеграмма, что тут коммунисты собираются затеять какую-то бучу. Ельцин был взбешен: «Я им покажу, кто в доме хозяин!» Стукнул кулаком и сказал китайцам, что он должен вернуться, он президент – дела срочные. Цзян Цзэ-минь, естественно, нормально всё воспринял. Отношения развивались, короче говоря. Хотя, вот, Козырев¹⁰³ пытался поучать китайцев, так сказать, с позиции старшего брата. Он приехал в Китай и прямо в аэропорту начал читать китайцам лекции о демократии и правах человека. Ну, естественно, в Пекине в восторг от таких лекций не пришли, и в наших отношениях возникли колебания. Но колебания были ликвидированы. Впрочем, здесь обе стороны, в общем-то сыграли роль. В нашем МИДе сохранилась группа специалистов – М.С.Капица¹⁰⁴ и другие товарищи, которые были активными сторонниками нормализации отношений с Китаем и того, чтобы все идеологические и прочие разногласия не распространять на международные отношения. Это был вывод, который мы сделали из предыдущей истории, когда наши отношения испортились именно из-за распространения идеологических разногласий на межгосударственные отношения. Повторять этого не надо было, мы в Институте тоже очень решительно выступили против этого. Короче говоря, Ельцин убрал Козырева, и в свой следующий визит в Китай в 1996 году он подписал соглашение. В документе было сформулировано положение насчет «стратегического партнёрства», такая формулировка применялась впервые. Поворот от крайнего западничества, которое насаждал Козырев, произошёл только когда премьером стал Е.М.Примаков: он это выправил. Вспомнил, что для нас важно соответствовать гербу российскому, что для нас важны и Восток, и Запад. И тезис, который был подписан Ельциным по поводу стратегического партнерства в Пекине, мы поддержали.

В научном смысле этому предшествовали две вещи, в которых наш институт и лично я играл определенную роль. Мы откликнулись на предложение, которое нам сделал Го Хань-юй из Свободного университета Берлина о рассекретивании и издании документов Коминтерна по Китаю. Для нас это

¹⁰³ Козырев А.В. – первый министр иностранных дел Российской Федерации (1991-1996)

¹⁰⁴ Капица М.С. (1921-1995) Китаевед, д.и.н., профессор. Специалист по вопросам советско-китайских отношений. Историк и дипломат, чрезвычайный и полномочный посол, членкор АН СССР по Отделению истории

была очень смелая акция, потому что тогда, при Яковлеве,¹⁰⁵ который вместе с Волкогоновым¹⁰⁶ командовал всеми архивами, значительная часть архива была продана за рубеж. Нам удалось сохранить и поставить под наш научный контроль, точнее, под научную опеку, именно их китайскую часть, касающуюся отношений КПСС (тогда – ВКП(б)) и Китая в период Коминтерна. Эта часть не была продана. И мы начали большую работу. В нашу большую группу входили профессор Григорьев,¹⁰⁷ Глунин. И мы работали при поддержке наших немецких друзей профессоров Го Хань-юя, Лейтнер, Фельбера, Крюгера, Трахтенберга и других.

Г: Какие это были годы?

Т: Девяностые, начало девяностых годов. Это была колоссальная и очень напряженная работа! Мне пришлось в очень большом напряжении держать всех товарищей, освобождая их от всех работ, от всяких привлечений. Нам надо было успеть, надо было, благодаря работе, выжить. И нам удалось за исключительно короткий срок издать семь толстых книг: пять томов в семи книгах. Документы по истории отношений между ВКП(б), КПК и Коминтерном. Серия называется «ВКП(б), Коминтерн и Китай». Это уникальные документы, которые раскрывают многие малоизвестные аспекты и детали истории формирования политики КПК, Гоминьдана; освещают многие стороны непростого диалога между Коминтерном и Гоминьданом, которые ранее были неизвестны, отношений между КПК и Гоминьданом, о роли Сунь Ят-сена, о школе Вампу, Северном походе, формировании политики Единого фронта, создании советских районов, восстание в Ухани, Кантонской коммуне, Наньчанском восстании, события 1927 года, когда Чан Кай-ши уже занял антикоммунистическую позицию. Обо всем этом и многом другом говорится в документах. И о периоде, когда Коминтерн и ЦК ВКП(б) призвали искать пути соглашения с Гоминьданом для создания Единого фронта против японской агрессии. Причем Советский Союз, сам находясь в очень трудном положении, оказал огромную по тем временам помощь: были построены заводы, на которых изготавливалась техника, предназначавшаяся для антияпонской

¹⁰⁵ Яковлев А.Н. (1923-2005). Публицист, академик РАН, советский, российский политический и общественный деятель, считается одним из «архитекторов» перестройки

¹⁰⁶ Волкогонов Д.А. (1928-1995). Историк, философ, политолог и политик. Д.и.н., д.ф.н., профессор. Членкор РАН, генерал-полковник, Лауреат Госпремии РФ

¹⁰⁷ Григорьев Александр Миронович (1933 г.р.). Китаевед-историк. Окончил истфак МГУ (1956). Д.и.н. (1977), профессор (1987). Научный сотрудник Института китаеведения (1957-1958), Института народов Азии (ныне ИВ РАН) (1962-1964), ИДВ РАН. Главред журнала «Проблемы Дальнего Востока» (1993-2004)

войны. Была проложена трасса, которая сейчас называется «Дорога дружбы» через Казахстан, Синьцзян до Сианя. Все это отражено в документах, это поистине – великая история. В Пекине, когда писали историю КПК, все наши документы были переведены. Первый том, который касается отношений между Коминтерном, Гоминьданом и КПК был переведен здесь, на Тайване. Часть последующих документов была здесь переведена, но всего лишь часть. Причём наши тайваньские коллеги нас об этом даже не уведомляли. Так что, я порядочно использовал их. Многие страницы в истории КПК, особенно Единого фронта, этими документами раскрываются. Причём это же документы, которые в то время не знал никто. В Китае эти документы были известны только пяти лицам. В разное время это были разные лица, но обычно это была тройка-четверка первых лиц. На первых порах это были Чэнь Ду-сю,¹⁰⁸ Цюй Цю-бо,¹⁰⁹ Сян Чжун-фа,¹¹⁰ Чжоу Эн-лай. Чжоу – он был постоянным чтецом этих документов, он практически все эти документы читал. А остальные лица менялись. После совещания в Цзуньи читателем этих документов стал и Мао Цзэ-дун, но только после совещания.

Г: В тридцать пятом году?

Т: Да. В Советском Союзе в КПСС [имеется в виду ВКП(б)] документы эти читали Сталин, Молотов, Ворошилов и Димитров, как генеральный секретарь Коминтерна. Мануильский – завсекцией, Ван Мин¹¹¹ и Кан Шэн¹¹² – он тогда в Коминтерне работал. Иногда был чтецом и Чэнь Юнь. Да, Чжан Го-тао одно время читал, но только одно время. Цюй Цю-бо тоже только одно время их читал, так же как и Ли Ли-сань. Вот это все, больше никто о них не знал! На

¹⁰⁸ Чэнь Ду-сю 陳獨秀 (1879-1942). Революционер, один из лидеров «движения 4 мая» 1919 г. Основатель и 1-й генсек КПК (1921-1927). Исключен из КПК в 1929 г. Лидер китайских троцкистов (1929-1932)

¹⁰⁹ Цюй Цю-бо 瞿秋白 (1899-1935). Революционер, член КПК с 1922 г. Член Политбюро ЦК КПК (1927-1931). Член Президиума ИККИ (1928-1930). Член китайского Советского правительства (1931-1934). Арестован и казнен гоминьдановцами в 1935 г.

¹¹⁰ Сян Чжун-фа 向忠发 (1880-1931) Китайский коммунист, лидер рабочего движения Китая в 1920х. Генсек ЦК КПК (1928-1931). Казнён гоминьдановцами в 1931

¹¹¹ Ван Мин 王明 (1904-1974). Китайский революционер, партийный и государственный деятель. В 1930х при поддержке руководства СССР и Коминтерна практически возглавлял центральные органы КПК, был активным противником Мао Цзэ-дуна. После образования в 1949 КНР попал в опалу, после чего уехал в СССР, где и прожил до конца жизни

¹¹² Кан Шэн 康生 (1898-1975). Один из лидеров КПК, возглавлял органы госбезопасности КНР до самой смерти. Инициатор многих политических репрессий внутри КПК и в КНР. Один из главных организаторов «культурной революции». После смерти был осуждён вместе с участниками «банды четырёх»

оригинале есть их подписи. Все эти документы имели граф высшей степени секретности. «Совершенно секретно. Особая папка».

Г: Из этого следует, что Ваша публикация была сенсационным прорывом. Историческое событие для науки!

Т: Была проведена труднейшая операция по рассекречиванию этих документов. Некоторая часть из них сохранили прежние грифы секретности. Совершенно верно – огромное событие для науки. А следующим событием для нашей науки, российской страноведческой науки и китаеведения, в частности, была подготовка первого в мире, я хочу это подчеркнуть – в мире...Энциклопедического словаря китайской философии. В Китае философские словари есть, но это словари другого плана, это словники, а наш был словарь энциклопедический. Наш словарь «История китайской философии» – так он называется, уникальный, потому что дает не только словник – то есть все, что есть, все названия, имена китайских философов, их труды, основные понятия и так далее, но он также дает историю исследования. Рассказывается, кто исследовал те или иные проблемы, перечисляются и российские, и зарубежные, и китайские исследователи: там и Фэн Ю-лань, там и Джозеф Нидэм,¹¹³ и Легг, и Масперо и так далее. Все крупнейшие исследователи там обозначены. Кроме того, в этом издании впервые возник такой формат, который мы потом закрепили и развили. Эта энциклопедия стала словарем и одновременно справочным изданием по предмету исследования (что такое китайская философия) и исследователям – кто этим предметом занимался. То есть, в нем дается не только сама история предмета, но и перечень основных трудов по этой тематике. Вы читаете Конфуция – пожалуйста, есть подробнейшая библиография. Но в обычном словаре давалась в основном только русская библиография. Из иностранной приводилась только китайская, ну, и немножко английская. Так что эта энциклопедия уже стала уникальной библиографией основных трудов: там появилось все, что есть. Это был очень большой шаг вперед, мы опять подтвердили эту линию – что мы хотим иметь хорошие отношения с Китаем, поэтому должны знать Китай, знать как он мыслит. Вот, если вы что-то предлагаете, как Китай будет осмысливать это дело? Как он будет его понимать? Каким мыслительным, логическим аппаратом он будет руководствоваться? Вы должны это учитывать! То есть, знать, что термин «ведение» не должен употребляться, что есть понятия, которые могут вызвать искажение смысла. Вот в этом я вижу смысл нашей

¹¹³ Дж. Нидэм (1900-1995), китайское имя Ли Юэ-сэ – известный английский синолог, специалист по истории науки в Китае

работы. И, конечно, мы рассматриваем Китай как стратегического партнёра, как нашего соседа, которого мы хотим знать. Мы предоставляем информацию по всем вопросам. Поэтому мы создали специальную тайваньскую группу, которая дает объективную – я это подчеркиваю – не политизированную, не идеологическую, без всяких шапок информацию. И мы были первыми, кто посмел это сказать, впервые в работах нашего Института это появилось, когда мы сказали, что при проведении политики реформ и открытости, при выработке политики, особенно в аграрном вопросе, наши китайские товарищи изучили опыт Тайваня и использовали его. И что они позитивно относятся ко многим реформам, начинаниям, которые проводились Цзян Цзин-го. Сами китайцы этого не говорят, а мы сказали, и они не протестовали.

С 1994 года наш Институт проводит конференцию «Китай и мир». В этом (2013) году состоялась двадцатая конференция. Сначала, в первые два-три года, она была нашей внутренней конференцией. Потом она превратилась в международную конференцию с очень большим участием – до 200-250 человек. Последняя, которая прошла совсем недавно, в октябре: в ней приняли участие свыше двухсот человек. Из материалов получился целый «талмуд» – было представлено больше двухсот тезисов докладов. После того, как некачественные материалы были отсеяны, осталось 196 тезисов. На пленарных заседаниях конференции было зачитано двадцать шесть докладов, проведен круглый стол, а в секциях – семь секций было – было зачитано сто докладов. Люди работали допоздна. Прошло все очень содержательно. Больше 30 человек было из Китая, из Тайваня были, из Гонконга, из Франции, из Америки один был, из Польши, из Болгарии, и так далее.

Г: Там было по-моему даже больше ста докладов. Сто десять, кажется...

Т: Да. Конференция прошла в напряженном режиме и очень интересно, содержательно. И мы считаем, что эти конференции очень помогают понять, что происходит в Китае. Должен сказать, что наши китайские партнёры очень внимательно относятся к нашему материалу. И мы впервые, впрочем, я не хочу сказать, что это именно благодаря нам это было сделано, но задолго до того, как китайским высшим руководством было принято официальное решение, мы сформулировали тезисы о том, что в Китае возникла очень сложная ситуация, называемая «пять разрывов». Серьезнейшая проблема отношения между городом и деревней, которая делает крайне необходимым поддержание стабильности китайского общества и продолжение реформ. Необходимо проведение новой социальной политики, которая распространится на деревню: охват деревни общегосударственной системой образования, здравоохранения и

социального обеспечения. Через 3 года и было принято специальным постановлением Пленума, который состоялся по этому поводу. И многие китайские представители, сказали, что наш Институт, его объективный подход – он помогает принимать правильные решения.

Г: Интересно.

Т: Я хочу сказать, что у нас есть недостаток один: социально-экономическими аспектами жизни Тайваня занимаемся, к сожалению, мало, у нас нет специалистов. Но исторической, культурологической и политической частью мы занимаемся серьезно. И я считаю, что мы по этому вопросу не отстаем ни от кого. Наши исследования носят в этом плане объективный и, в каком-то смысле, прогностический характер.

Г: Спасибо. Не могли бы Вы сказать пару слов об «Энциклопедии духовной культуры Китая»: было бы логично увенчать, так сказать, нашу беседу, разговором об этом достижении.

Т: Да. Когда мы завершили работу над философским словарем в 1994 году и издали словарь, к тому времени сложилась группа товарищей, которая совместно работала. Группа коллег, с которой стало жалко расставаться, честно вам скажу. Мы как-то спаялись в единый коллектив единомышленников. Что же мы будем делать дальше-то? Энциклопедический словарь издали, и я предложил: «Давайте подумаем расширить поле наших исследований: сейчас это чисто философия, но ведь есть еще этика! Китайская цивилизация – это многогранное явление. Какая история! Колоссальная, богатая, сложная, многогранная история. История китайской науки. История китайских, так сказать, практических искусств. Как их Конфуций перечислял: стихи, музыка, военное дело, счёт, и так далее. Вот, давайте расскажем о китайской математике, расскажем, что такое китайская наука, китайская архитектура, китайские оздоровительные учения, китайская медицина. В чём её суть? В чём её отличие от западной медицины?» И так далее. В общем, всем эта мысль понравилась. Помнится, Кобзев сказал, что это вообще будет великий подвиг. Ну, значит, давайте будем совершать великий подвиг. Но это было самое трудное время! Мы месяцами не получали зарплаты. И вот, понимаете, наша работа над энциклопедией была как бы отвлечением от наших всех трудностей и проблем... Это был вызов – мы отвечали вызовом на вызов. «Ах, вы хотите нас голодом морить? Закрывать? А мы вот вам покажем, что мы можем это сделать!» И знаете, работа пошла с таким большим энтузиазмом! Я обратился с письмом к очень многим нашим китаеведам, не только в Москве, но и к питерским, в Новосибирск, в Улан-Удэ – к нашим бурятским коллегам-

буддоведам. В общем, все ответили, я не получил ни одного отказа. Все отвечали с большим энтузиазмом. Причем писали эту работу, не получая никаких гонораров. Это была работа безгонорарная, безвозмездная. Ну, чтобы люди не зря работали, я пригласил Кобзева, Еремеева, и еще несколько товарищей, они стали нашими главными сотрудниками по совместительству. Но, конечно, это не гонорар. Просто какое-то ощущение, что они, ну, не совсем задаром работают.

Г: Вот присутствующий здесь Сергей Викторович Дмитриев (Д), он без гонорара трудился... В каждом томе отметился.

Д: Ну, как и все.

Т: Вы понимаете, это же действительно памятник, ведь такой работы нигде больше нет. Когда я вручил этот том президенту нашей академии академику Осипову Ю.С., он сначала не поверил, что мы это сделали: «Как же это вы смогли?»

Д: Я недавно послал все шесть томов профессору Харбсмейеру в Осло, поскольку он сейчас единственный из крупных китаеведов, который читает по-русски. Он был потрясен и написал мне: «Я слышал про это, но не думал, что это возможно. И самое страшное то, что про это никто в мире так и не знает».

Т: Ну, конечно... Беда в том, что издано было всего лишь две тысячи экземпляров. Совсем маленький тираж. Энциклопедию мы завершили и издали первый том к году России в Китае. Был приём, Ху Цзинь-тао приезжал. Когда мы вручили этот том китайцам, они в срочном порядке приняли решение отметить группу авторов: Аникеева, ваш покорный слуга, Кобзев,¹¹⁴ Лукьянов,¹¹⁵ Воскресенский,¹¹⁶ Рифтин – были награждены почетными грамотами наших китайских друзей. Вручили нам даже кубок с большим красным бантом. Так что, это было нам моральное поощрение за работу.

Г: Переходящий почетный кубок.

¹¹⁴ Кобзев Артём Игоревич (1953 г.р., Москва). Китаевед, д.филос.н. (1989), профессор (1999). Окончил философский факультет МГУ (1975). Историк китайской философии. Научный сотрудник ИВ РАН (с 1978). Завотделом Китая ИВ РАН (с 2011). Лауреат Государственной премии РФ (2010) за достижения в развитии китаеведения и подготовку 6-томной энциклопедии *Духовная культура Китая*. Научный редактор сайта synologia.ru

¹¹⁵ Лукьянов Анатолий Евгеньевич (1955 г.р.) Китаевед, д.филос.н. (1991). Окончил философский факультет МГУ (1975). Преподаватель РУДН (1978-1993), РГГУ (1993-1997). Сотрудник ИДВ РАН (с 1997). Исследователь древней и средневековой китайской философии

¹¹⁶ Воскресенский Алексей Дмитриевич (1960 г.р., Москва). Китаевед-историк, д.полит.н. (1999), профессор МГИМО МИД РФ (с 1999). Специалист по российско-китайским отношениям

Т: Да, переходящий кубок. А завершили мы работу тоже символично – в год китайского языка в России. Через нашего президента РАН Юрия Сергеевича Осипова я переслал издание Президенту России. Книжки также вручили персонально Ху Цзинь-тао, Вэнь Цзя-бао.¹¹⁷ И мы послали весь комплект нашему главному спонсору Чэнь Юаню – сыну крупного китайского экономиста, государственного деятеля из первого поколения руководства Чэнь Юня.¹¹⁸ И китайские руководители были очень удивлены... Вот.... Когда был прием в Кремле по случаю визита Ху Цзинь-тао (меня туда пригласили), то во время приема неожиданно для всех Ху Цзинь-тао встает, идет через весь зал: ему, видимо, помощники сказали, где я сижу, а я сидел довольно далеко от главного стола. Он подошел и передал мне поздравления по поводу издания такой работы. Это стало известно нашим руководящим товарищам, господам, в том числе президенту Медведеву Д.А., который тогда был хозяином этого приема...

Г: Президент Вам руку пожал?

Т: Пожал, да.

Г: Мягко или железно?

Т: Нормально. (Смеются). Не клещи, как у Лю Шао-ци, но нормально. А Мао Цзэ-дун нам дал руку подержать, это даже не пожатие было, даже пальцем не пошевелил. Рука теплая, мягкая, знаете, такая нежная рука. Мы за нее подержались, а потом ходили неделю с завязанной рукой...

После этого приема мы узнаём, что, как раньше говорили, «есть мнение», что надо эту работу отметить, весь коллектив. В общем, в итоге три человека было выдвинуто на Госпремию РФ. А всего авторов-то было человек сто. Очень жаль, я очень переживаю, что в ходе этой работы несколько товарищей нас покинули... Феоктистов,¹¹⁹ Борис Львович Рифтин...

¹¹⁷ Вэнь Цзя-бао 溫家寶 (1942 г.р.). Партийный и государственный лидер КНР. По образованию инженер-геолог. Член КПК с 1965. В 1968-1983 работал по специальности в пров. Ганьсу. Начальник Канцелярии ЦК КПК (1986-1993). Премьер Госсовета КНР, постоянный член ПБ ЦК КПК (2003-2013). Вместе с Ху Цзинь-тао его относят к 4-му поколению лидеров КПК и КНР

¹¹⁸ Чэнь Юнь (1905-1995) – Видный партийный и государственный деятель Китая, участник «Великого похода» китайской Красной армии, прошедшей в 1934-1936 с боями более 25 тыс. км с юга на север Китая, из Центрального советского района (пров. Цзянси) на Северо-Запад (пров. Шэньси-Ганьсу). В 1935 прибыл на учебу в СССР, где в 1936 опубликовал свои заметки о «Великом походе»

¹¹⁹ Феоктистов Виталий Фёдорович (1930-2005). Китаевед, историк философии. В 1954 году окончил китайское отделение Московского института востоковедения. Сотрудник ИДВ РАН (с 1968). С 1974 – заведующий сектором идеологии, с 1992 зам. руководителя Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН

Г: Вот, как раз по поводу этого вопрос: пока мы с Вами подвиги совершаем, наше правительство, с одной стороны, отмечает их Государственными премиями, а, с другой стороны, реформирует РАН...

Т: У нас есть, конечно, Комитет по книгоиздательству... Но эта книга была издана на спонсорские средства. Большинство средств предоставил нам наш друг Чэнь Юань, наш друг из Гонконга Сюй Чжи-мин и наш друг из Америки – президент фонда госпожа Марджори Киевит.

Г: С миру по нитке.

Т: Да... Когда увидели, наконец, что это привлекает внимание, в издании одного тома помогли наконец, и наши органы – фонд РГНФ. Но только в одном томе поучаствовали. Я хочу сказать, что тайваньские друзья нам тоже помогали: и авторами, и вообще тайваньская линия присутствует в энциклопедии, тайваньская культура. Это новое направление, причём подается совершенно объективно. Кстати говоря, та тенденция, которая нашла отражение в «Энциклопедии», она получила развитие. Сейчас наш институт, под руководством моего учителя, нашего общего учителя – китаеведа Сергея Леонидовича Тихвинского, издает совершенно уникальный труд по всеобщей истории Китая. В десяти томах. В Китае такого нет. И на Тайване тоже нет. И вот почему я об этом хочу сказать: в этом издании десятый, заключительный том посвящен Тайваню. Он посвящен Тайваню, далее – Гонконг, Аомэнь и китайская эмиграция за рубежом. Целый том этому посвящен! Он выйдет в начале 2014 года, он уже готов. Прекрасный том, очень содержательный, кстати говоря. И я бы сказал, что о Тайване написано очень много: позитивно и объективно. Думаю, что это будет определенным событием. Вот уже вышел седьмой том, который целиком посвящен Китайской республике с 1911 по 1949 год. Но тираж-то, тираж! Плакать хочется, честно вам скажу. Пятьсот экземпляров!

Г: Ну, может быть, получится потом переиздать...

Т: Повторить-то можно, но, как пел Высоцкий: «Где деньги, Зин?»

Г: Вот, насчет денег... В связи с реформой РАН, короткий вопрос: как Вы считаете, что с нами будет? С Вашим институтом [ИДВ РАН] и с нашим [ИВРАН]?

Т: На этот вопрос вам никто не ответит сейчас.... Не случайно наш президент [РАН] заболел, на мой взгляд. Но это не для публикации в данном случае...

Г: А Вы скажите так, чтобы можно было опубликовать.

Т: Я считаю, что это недальновидное решение. Решение группы лиц, которые, так сказать, пользуясь своими связями и влиянием на высшее руководство

страны, сводят свои счета с Академией Наук, которая не допустила их в свои ряды в силу их несоответствия академическим требованиям. Это касается и господина министра Ливанова – главного застрельщика, ну, и ряда других деятелей, которые мечтали быть академиками, но не вышло. Но, как видите, Академия проявила принципиальность и решила защищать флаг, не спуская его. В данном случае, Академия ведет себя как крейсер «Варяг».

Г: «Пощады никто не желает»?

Т: Это действительно так. Инициаторы реформирования что-то говорят, мы устраиваем митинги, собрания, протесты. Я лично направил письмо Владимиру Владимировичу Путину, где изложил свою точку зрения по этому поводу. Считаю, что с точки зрения интересов государства, с точки зрения реализации программы подъема регионов Дальнего Востока, изложенной президентом Путиным, а также с точки зрения дальнейшего развития и подъема России – эта акция имеет прямо противоположную направленность. Потому что Академия наук – это не просто Академия наук. Это не учреждение для группы избранных, так сказать, ученых, как хотят это представить некоторые инициаторы этого мероприятия. Мол, «что вы беспокоитесь, вы останетесь клубом!». Есть такой расчет, что остаются те учёные, которые сейчас являются академиками и членами-корреспондентами. Прием новых запрещен пока, скажем, на три года. Но со временем, я уверен, будет и больше. Так получается превращение Академии в Клуб: вот, дескать, старички эти соберутся, поговорят и разойдутся. Денежки мы им до самой смерти будем платить, деньги к тому же небольшие. Господи, что такое 50 тысяч?! Секретарши у них получают больше пятидесяти тысяч рублей. Чего там! Тысяча четыреста человек... 400 человек получают по 50 тысяч, 700 человек по тридцать тысяч, Ну, господи, ну что там, какие это деньги... Да это карманные расходы господина Чубайса и других инициаторов этих дел.

Академия наук – это общероссийское учреждение. Интеллектуальный обруч государства. Вот что такое Академия наук! Вот как она создавалась, задумывалась великим императором Петром I. Она несла эту роль триста лет, ей на будущий год исполняется триста лет. И накануне трехсотлетия академии власть решила разогнать это учреждение, которое является мощнейшим обручем государства, объединяющим его, сплачивающим его, и питающим его идеями! Вместо того, чтобы придумать, помочь найти механизм реализации открытий... Во все эти голодные годы, когда вся Академия была посажена на голодный паек, ведь ежегодно делалось не менее ста открытий мирового уровня! А регистрировались они не в России! Почему? Потому что долгое

время была ситуация, когда если ты сделал открытие – ты ещё и плати за то, что ты сделал открытие. Вместо того, чтобы, наоборот, автору платить, академику, ученому, его коллективу! Вместо того чтобы поддержать нас! Ну, дали нам эту премию, мы ее распределили, как смогли, через авторов ведущих. Ну, и что? Понимаете, это же смешные деньги!.. Как рассуждают у нас: «А-а, вы хотите что-то зарегистрировать? Ха-ха! Будьте любезны, миллиончик нам, да не один! Да не рублей!» Поэтому и регистрируют наши открытия в Америке: там не надо платить. Там вам платят! И потом вы годами получаете отчисления от использования. А потом наше «любимое» государство покупает открытие нашего же ученого за огромные деньги. Вот, что получается. Если бы люди, которые принимали эти решения, вдумались в это все, какие решения они принимают... Я считаю, что эта акция непродуманная, поспешная, и это акция вообще негосударственного плана.

Г: Спасибо, понятно. В следующем году у Вас очередная круглая дата, какие у Вас личные творческие планы?

Т: Творческие планы... Вы знаете, я живу по принципу, который выработал, кстати говоря, именно в Китае: жить, как будто живешь сегодня последний день. Поэтому все, что можешь сделать, ты должен сделать. Этому принципу я научился у наших немецких друзей: «Должное должно быть сделано». Я все время говорю об этом своим коллегам в Институте, и не просто стараюсь убедить, а требую от них. И поскольку я все еще пользуюсь определенным доверием, вот они стараются делать должное, работать. Я очень горжусь нашим коллективом, своими коллегами... Вот когда все это началось [с Академией], я издал приказ «Ещё не вечер». Так и назвал приказ! Работать, работать, работать. По ранее принятым планам. Вот это моя обязанность как руководителя. Работайте! Я очень рад, что когда выезжаю в командировку, там сидят и работают. Приезжаешь, и все задания, которые даны, все они лежат на столе. Для меня очень важна эта четкость в работе людей: за те двадцать девять лет, которые я руковожу ИДВ, и в тех трудных условиях, в которых мы работаем, мы создали такую базу для Института, что коллектив может работать без понукания. Сказано, что это надо, и раз сказал, значит, знает – это надо. И мне не приходится никому давать долгих разъяснений. Приглашаем, говорим, что есть необходимость подготовить такой-то доклад. Нам никто не сказал, что президент едет [в Китай], надо такие-то планы: мы сами знаем, что президент едет, и как ученые считаем, что нужно, с нашей точки зрения, сделать. Действуем инициативно, без всяких там заказов, требований. Мы пишем

письмо высшему руководству, что надо, с нашей точки зрения, сделать то-то и то-то. И получаем благодарность: спасибо.

Г: И последний вопрос: что бы Вы пожелали, какое напутствие дали молодым китаеведам, которые работают сегодня и будут работать завтра?

Т: Вы знаете, самая большая трудность, которую сейчас переживает наше китаеведение – это, конечно, недостаток молодого и среднего слоя ученых, специалистов, особенно молодых. Связано это с тем, что сейчас осталась небольшая группа научной молодежи, которая работает по высшему духовному призванию. Это энтузиасты. Поэтому я и говорю, что у нас армия китаеведов небольшая: нас всего работающих в этой науке по России немногим больше трехсот человек, и это армия энтузиастов. Волонтеров, работающих за гроши. Во-лон-тё-ры! Им можно разве что пожелать здоровья!

Но, вы знаете, это такие люди... У них такая работа и такое отношение! Если человеку удастся утвердить у себя такое отношение и найти для себя место в этом отряде, то это люди, которые оставят о себе память. Они действительно оставят след в истории, в науке. Дело в том, что у них будет внутреннее очень высокое самосознание, очень высокая нравственная самооценка, что они выполнили научный ДОЛГ. И призвание, которое им дается свыше, они реализовали, несмотря на все трудности. Они могли уйти в бизнес. Возможно, они там достигли бы каких-нибудь успехов, но они бы не реализовали себя, свое призвание, которое у них оформилось, может быть, в юношеские годы. Если же ты реализовал его, несмотря на все трудности, это, понимаете, другое интеллектуальное самосознание. Интеллектуальное, духовное, нравственное, если хотите, жизненное. Китаист в этом смысле особый человек. Огромная масса информации, на которую он опирается, в которой он работает, в этом океане информации и материалов китайской культуры и цивилизации, всей проблематики Китая, – всё это его возносит на очень высокий интеллектуальный уровень. Хотя его личные достижения временно могут быть небольшими. Но он является частицей важного здания. Поэтому я считаю, что быть китаистом – это непросто, потому что этому надо будет отдать всю свою жизнь: быть китаистом наполовину нельзя, и заниматься китайским языком между делом тоже нельзя. Или ты есть, или тебя нет. Или ты китаист, или ты – около того. Но это не каста, а это именно группа волонтеров. Людей, которые, говоря возвышенным языком (что вполне уместно здесь, на мой взгляд), создают ноосферу взаимопонимания между двумя великими народами.

Г: Это очень обнадеживающие, хорошие слова! Вы выдержали почти четырехчасовой марафон с интервью, и мы видим, что сил у Вас очень много! Хотим пожелать вам еще большего доброго здоровья, и спасибо Вам большое!

Т: Пожалуйста!

Г: Спасибо за прекрасные воспоминания, которые, как Вы нам поведали...

Т: Спасибо и вам, вы проделали такую большую дорогу. И эта давняя встреча в поезде....

Г: Она всколыхнула воспоминания?

Т: Не совсем. Дело в том, что у меня родился сын там. Я там женился, в Китае, потом, через 24 года по китайскому календарю, по нашему через 23, туда едет мой сын. У нас возникла такая китаеведческая семья, династия. Он едет в Китай на стажировку с женой. Женился он, правда, в Москве, и у него там рождается дочь. В той самой больнице, где родился он сам, и в той же самой палате, где он родился.

Г: Это потрясающе!

Т: Представляете? Это, конечно, очень трогательный момент... Так что у меня сейчас сын – китаист, внучка-китаист. Думаю, и правнуки будут. Надеюсь. Китай взял меня в полный духовный плен, и выстоять порой бывало очень непросто, приходилось всякие нападки терпеть.

Г: Вам помогла закалка, полученная в китайских народных коммунах! Не зря все-таки ученых посылали на перевоспитание. Закаляли дух! Воспитание мотыгой – это сильно!

Т: Конечно, закалка мне помогла сильно.

Г: Спасибо Вам большое.

Теперь нашей работой будет перевести все это в текст.

Продолжение интервью с М.Л. Титаренко

(запись: В.Ц. Головачёв. Тайбэй, 5 ноября 2013 г.)

Г: Вы занимаетесь Китаем и китаеведением уже почти 60 лет. Если посмотреть назад, ретроспективно, какая научная тема кажется Вам теперь самой главной и интересной?

Т: Конечно, самая важная тема для меня – тема моей научной и практической деятельности – это история становления и развития добрососедских дружеских отношений между Россией и Китаем. И, если хотите, философия, методология и высшие духовные принципы этих отношений. Конечно, в четырёхвековой истории наших отношений бывало всякое, и хорошее и плохое. Была,

например, российская духовная миссия в Пекине. Крупных войн, к счастью, не было, но военные столкновения местного масштаба тоже случались в разные периоды. Были конфликты. Но эти конфликты побуждали обе стороны делать некие повороты и признавать, что ты имеешь дело с серьезным партнером, с которым лучше не ссориться. Лучше наладить взаимопонимание и контакты, как сделал великий китайский император Канси, который сказал защитникам Албазина: «Вы не пленники мои, я вас беру в свою армию». Канси оценил их героизм, он дал им шанс! Позднее были и другие расхождения, были столкновения на Даманском в марте 1969 года. Но потом те, кто осуществлял это мероприятие, они сказали руководству, что НОАК не может серьезно противостоять советской армии, и это деморализует армию. И с этого начался конфликт Мао Цзэ-дуна с Линь Бяо...

Изучая все эти отношения, я пришёл к выводу о том, что необходимо глубже уяснить основные исходные принципы китайской мудрости, китайской мысли. Нужно понять принципы, на которых строится китайское миропонимание, мироощущение, восприятие своей идентичности, места в мире, культуры, самого себя и смысла своего существования. Поэтому все свободное время я всегда посвящаю изучению китайской философии, помимо, конечно, российско-китайских отношений. Опираясь на идеи Льва Николаевича Гумилёва и развивая их применительно к новым современным реалиям, освободив первоначальную концепцию евразийства от различных антизападных или еще каких-то фобий, я пришел к переосмыслению принципов евразийства и сформулировал свои принципы «нового евразийства». Г: Интересно узнать, что Вы сами считаете своим высшим научным достижением? Может, как раз эти принципы «нового евразийства», или что-то другое? Или изучение неких базовых принципов китайской философии?

Т: Я считаю, что осмысление методологии китайской мышления, китайской мудрости – вот, что нашло выражение в целой серии трудов по китайской философии, которые я переводил, исследовал, редактировал, создавал огромные авторские коллективы, воплощал свои идеи, делая их коллективным достоянием. В числе этих трудов, безусловно, и энциклопедический словарь «Китайская философия», и энциклопедия «Духовная культура Китая». А с точки зрения прогнозирования в политическом плане, я считаю нашим крупнейшим достижением совместную с Борисом Николаевичем Кузыком¹²⁰

¹²⁰ Кузык Б. Н. (1958 г.р.). Российский бизнесмен и экономист, д.э.н., профессор, академик РАН (2011), директор Института экономических стратегий

работу «Россия и Китай 2050 год: стратегии соразвития».¹²¹ Эта общая работа, в которой я был инициатором и главным автором, будет сохранять значимость долгие годы.

Г: Как лидеру целого института, большой научной организации, Вам приходится держать руку на пульсе и постоянно контролировать очень многие темы. Фактически все темы, которыми занимаются Ваши сотрудники. Но над какой научной темой работаете в данный момент Вы сами?

Т: В настоящий момент мы должны сформулировать стратегию развития нашего китаеведения на ближайшие 10-15 лет. Над этой темой я сейчас и работаю.

Г: То есть, нужно определить будущее нашего китаеведения?

Т: Нужно определять курс. С одной стороны (хотя по численности научных сотрудников наше китаеведение уступает американскому и английскому), но по охвату ключевых тем и по своим достижениям мы находимся на передовом мировом уровне. К нашему большому моральному удовлетворению, это признали и высшие руководители Китая – и Ху Цзинь-тао, и Цзян Цзэ-минь. А председатель Си Цзинь-пин даже счел необходимым во время своего первого визита в Россию в качестве председателя КНР встретиться с делегацией российских китаеведов. В ходе встречи он очень высоко оценил работу наших ученых. С другой стороны, мы находимся в ситуации, когда каждому из небольшого отряда энтузиастов-подвижников, которые работают сейчас в китаеведении, приходится работать «за себя и за того парня», который не захотел нести это бремя, пошел в бизнес, в какие-то другие дела, и работает не по специальности. Работает там только потому, что получает бóльшую зарплату. Потому что низенькая, близкая к нищенской академическая зарплата, особенно для начинающих ученых, никак не стимулирует приток молодых научных кадров. Реальное положение сейчас таково, что, с одной стороны, наше китаеведение состоит из высшей научной элиты, куда входят один старейший «маршал» в лице Сергея Леонидовича Тихвинского, большое количество «генералов» и старших «офицеров». С другой стороны, мы имеем очень малое количество «солдат и «младших офицеров». Я об этом уже неоднократно писал, даже президенту РАН 10 лет назад написал письмо, которое заканчивалось словом: «SOS!».

Г: И что Вы писали в этом письме, помимо SOS?

¹²¹ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. – М.: Институт экономических стратегий, 2006. 656 с.

Т: Писал, что необходимо принять срочные меры по пополнению молодыми кадрами нашего востоковедения, китаеведения и японоведения. Что индология и иранистика находятся на грани исчезновения школ. Что если не принять срочных мер по коренному изменению ситуации, по воспитанию интереса у молодежи и стимулированию её в материальном плане, то наши востоковеды и наука, которая в течение многих лет была на лидирующем месте среди общественных наук и пользовалась высоким престижем в мире, она начнёт скатываться...

Г: Но SOS не был услышан, похоже?

Т: Он был услышан, его (президента РАН) реакция была правильной... Но сверху эта реакция не получила должной поддержки! Были увеличены оклады, но это увеличение было более чем скромным... Понимаете, представители нашей правящей элиты, особенно те чиновники, которые непосредственно курируют распределение финансовых средств в науке и в нашем востоковедении, – они совсем не понимают, что заниматься востоковедением и «европейскими делами» это, как говорят в Одессе, «две большие разницы». Чтобы стать настоящим китаеведом, после окончания ВУЗа, окончания аспирантуры или защиты кандидатской диссертации нужно еще как минимум лет 10 «проникать» в страну! Потому что все восточные культуры – закрытые культуры, закрытые цивилизации. И нужно добиться доверия представителей элиты той страны, которой занимаешься, чтобы вас подпустили к корням этой культуры.

Г: Доверие народа тоже немаловажно!

Т: Мне в этом смысле очень крупно повезло, потому что, как я уже рассказывал, в 1950х годах я провёл 7 месяцев в китайской деревне, в гуще народной жизни, в трудных условиях. Это позволило мне понять «национальный характер» Китая. Увидеть какие-то внутренние пружины, которые определяют отношения между верхами и низами. И это мне кажется очень важным! Конечно, прежде всего надо было полностью посвятить себя овладению языком, учить иероглифы, перерабатывать руду, как бы...

Г: Вы как бы перерабатывали эту «руду» в самых разных организациях и учреждениях. Что это были за учреждения? И если вернуться в Вашу молодость, когда Вы тоже были простым «солдатом», и оттуда взглянуть «вверх»: какие ступеньки пришлось миновать в Вашей профессиональной и личной карьере?

Т: Так получилось, что в моей трудовой книжке всего 4 учреждения. Это Министерство Иностранных Дел – работа в генконсульстве Шанхая и в

посольстве СССР в Пекине. Затем отдел ЦК КПСС, где я 20 лет проработал референтом-консультантом по Китаю и проблемам безопасности в Восточной Азии. Затем меня бросили на «провальный» как тогда казалось, участок. Наш институт тогда надо было переориентировать на новые задачи, на поиск путей восстановления и развития советско-китайских отношений. Директор был болен. Короче говоря, в 1985 году меня назначили директором Института Дальнего Востока. Не сразу меня принял коллектив. Но потом все дальнейшие разы, 4 раза, меня избирали практически единогласно. 3 раза – единогласно, и один раз – при одном воздержавшемся. Точнее, был просто испорчен один бюллетень.

Г: То есть, последняя запись в Вашей трудовой книжке – Институт Дальнего Востока?

Г: Да, пока так. И, наверно, она так и останется последней.

Г: Вы уже признавались, что на Вашу жизнь и на Ваше мышление оказали большое влияние восточная мудрость, восточные мудрецы. А какое влияние оказали на Вас, как на специалиста, западные мудрецы и мыслители?

Г: Я очень внимательно изучал западное китаеведение и западную философию. Собственно, мои подходы к китайской философии формировались в процессе глубокого сравнительного анализа методологии Гегеля, Фейербаха, французских мыслителей, в том числе, их иллюзий в отношении Китая. Французские мыслители, например, в китайской системе государственных экзаменов образец преодоления бюрократизма и порядка выдвижения людей не по происхождению или знатности, а по способностям и таланту. Это было идеальное представление, которое, кстати говоря, распространяли и наши китаеведы. Повлияли на меня и более поздние выдающиеся мыслители на Западе, которые не были китаистами, как, например, Макс Вебер. Его методология помогла мне найти какие-то новые нюансы, которых нет в марксистской философии, нет в обычном сравнительно- историческом анализе. Социологизм, который внедрил Вебер, помогает восполнить эти недостатки... Его социологизм не только полезен, но и стал частью моих подходов к анализу современной китайской действительности. Без этого нельзя понять те процессы, которые сейчас происходят в Китае. Например, активное социальное, имущественное расслоение и межнациональные различия. Методология Вебера дает некоторые дополнительные возможности для правильного осмысления и выработки стратегии преодоления и снятия этих проблем. Вот, что я хотел бы подчеркнуть.

Г: Я знаю, что Вы часто бываете в Китае, поэтому не хочу спрашивать, где Вы были в Китае. Мне кажется, легче спросить – Вы не были в Китае?

Т: (смеется) Это, действительно, так. Я почти уже 60 лет занимаюсь Китаем, из них примерно 12-15 лет провел в Китае. Почти 9 лет – это время непрерывного пребывания в Китае, с начала 1957 года по 1965 год. Потом тоже не было и года, когда бы я не был там хотя бы один раз. Даже в годы «культурной революции» я один раз в год обязательно приезжал в Китай в качестве гостя посла, полномочного представителя нашего в посольстве, либо советника посланника. Я обязательно приезжал в Китай при всех послах, которые у нас там были. Знакомился, пытался даже ездить по стране. И должен сказать, что даже в те годы наши официальные китайские партнеры хоть и со скрипом, но все-таки разрешали мне ездить в Сиань, Янань, Гуанжоу, Шанхай, Ухань, Сучжоу...

Г: Но хоть куда-нибудь они запрещали Вам ездить? Или, быть может, Вы сами не доехали куда-то?

Т: Нет, Вы знаете, я даже вспомнить не могу.

Г: В Синьцзяне, например, Вы бывали?

Т: Ну, я тогда и не просился в Синьцзян, честно Вам скажу.

Г: А вообще, бывали ли Вы там?

Т: Бывал, конечно. Я дважды бывал в Синьцзяне. Не был только в Тибете, не был в Нинся-хуэйском автономном районе, в некоторых провинциальных городах ...

Г: Не могли бы Вы хотя бы просто назвать имена тех людей, той «гвардии» из числа советских китаеведов, с которыми Вам довелось работать в разное время?

Т: Вы знаете, это большой «иконостас», которым я искренне восхищаюсь, потому что это были действительно выдающиеся люди, отдавшие все свои интеллектуальные и физические силы служению науке, служению китаеведению, укреплению взаимопонимания с Китаем и снятию всяких недоразумений, предубеждений. В числе эти людей были и наши крупные китаеведы и не китаеведы, например, Делюсин, Бовин, Шахназаров... Они иногда писали в советские газеты очерки и статьи с критикой маоизма, но при этом подразумевали те негативные аспекты нашей советской действительности, которые считали необходимым исправить или устранить.

Г: То есть, это как удар рикошетом в бильярде – целишь и посылаешь шар в одну сторону, а попадаешь в другую.

Т: Да-да, совершенно правильно. В общем, среди моих выдающихся учителей и коллег-китаеведов, с которыми я сталкивался по работе, должен прежде всего назвать Сергея Леонидовича Тихвинского, Петра Емельяновича Скачкова, Ян Хун-шуна, Вяткина Рудольфа Всеволодовича,¹²² Михаила Филипповича Юрьева,¹²³ Михаила Иосифовича Сладковского, Льва Петровича Делюсина, Олега Борисовича Рахманина,¹²⁴ Владимира Алексеевича Кривцова. Последний сделал очень много для моей деловой и научной карьеры. Борис Львович Рифтин,¹²⁵ с которым мы вместе работали над энциклопедией «Духовная культура Китая». Не буду говорить о тех или иных личных недостатках своих коллег, но хочу упомянуть таких, безусловно, выдающихся ученых, как Позднеева Л.П., Юрьев М.Ф., Глунин В.И., Григорьев, Яковлев А.Г., Феоктистов В.Ф., Семин Н.Г., Ян Хин-шун, Буров В.Г., Кобзев А.И., Лукьянов А.Е.,¹²⁶ Островский А.В., Портяков В.Я.¹²⁷ Среди старшего поколения, моих

¹²² Вяткин Рудольф Всеволодович (1910-1995). Китаевед. Окончил ДВГУ (1939). Доктор Honoris Causa. Исследователь исторической мысли в Китае. Впервые перевёл на русский язык с комментариями большую часть «Исторических записок» (*Ши цзи*) Сыма Цяня (в 2011 перевод и полное издание всего труда завершено учениками Р.В. Вяткина). Преподаватель КВП, ВИИЯ, МИВ, МГУ (1939-1956). Научный сотрудник Института китаеведения (1956-1958), ИВ АН СССР (с 1958). Завотделом Китая ИВ АН СССР (1960-1967)

¹²³ Юрьев Михаил Филиппович (1918-1990). Китаевед, д.и.н. (1967), профессор (1969). Окончил истфак МГУ (1941). Ветеран советско-финской войны (1939-1940) и Великой отечественной войны. Преподаватель истфака МГУ (с 1950), ИСАА при МГУ (1956-1990). Научный сотрудник ИДВ РАН (с 1967)

¹²⁴ Рахманин Олег Борисович (1924-2010). Китаевед, д.и.н. (1975), профессор (1977). Дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол (1985). В 1951-1958 и 1960-1963 работал в посольстве СССР в Пекине. Специалист по истории советско-китайских отношений после 1945

¹²⁵ Рифтин Борис Львович (1932-2012). Китаевед, литературовед, переводчик. Д.филол.н.(1970), член-корр. АН СССР (1987), академик РАН (2008). Окончил вост. факультет ЛГУ (1955). Научный сотрудник ИМЛИ (1956-2012). Главный научный сотрудник Отдела литератур Азии и Африки. Крупнейший в мире специалист по литературе Китая, стран Дальнего Востока и Центральной Азии. Труды по древнекитайской мифологии, фольклорной традиции и средневековой литературе Китая

¹²⁶ Лукьянов Анатолий Евгеньевич (1955 г.р.) Китаевед, д.филол.н. (1991). Окончил философский факультет МГУ (1975). Преподаватель РУДН (1978-1993), РГГУ (1993-1997). Сотрудник ИДВ РАН (с 1997). Исследователь древней и средневековой китайской философии

¹²⁷ Портяков Владимир Яковлевич (1947 г.р.). Китаевед-экономист, к.и.н. (1978), д.э.н. (1999). Окончил географический факультет МГУ (1970). Сотрудник торгпредства, посольства СССР в КНР. Сотрудник ИЭМСС АН СССР, ИДВ РАН (1992-1999 и с 2003). Замдиректора ИДВ РАН, главред журнала «Проблемы Дальнего Востока»

ровесников, я хотел бы, безусловно, упомянуть и таких выдающихся ученых, как Вадим Иванович Шабалин, который был пионером исследования китайской национальной буржуазии, китайского национального капитала. Как Георгий Александрович Ганшин,¹²⁸ изучавший проблемы гражданского общества и политические процессы в самом Китае. Конечно, примером научного подвижничества для меня и для многих китаеведов старшего поколения (надеюсь, и младшее поколение возьмет в качестве образца его светлый образ) был Рудольф Всеволодович Вяткин, который посвятил последние десятилетия своей жизни сложнейшему, тяжелейшему труду – переводу «Исторических записок» Сыма Цяня. Он эту работу почти завершил, но издать всё не успел... Среди моих партнеров по работе, с которыми было приятно работать и находить полное взаимопонимание, были и такие замечательные люди, как Александр Михайлович Решетов из Питера, Борис Трофимович Кулик, бывший работник Коминтерна Ковалев, который на первом этапе делал очень многое для развития и становления советско-китайских отношений. Моим другом и партнером в научных исследованиях стал Леонард Сергеевич Переломов,¹²⁹ который даже был редактором моей первой книжки о Мо-цзы. Конечно, для меня очень приятны были контакты с В.В. Малявиным.¹³⁰ Это исключительно талантливый китаевед с очень широким кругом интересов. Первоначально у меня были далеко идущие планы сотрудничества с ним. К сожалению, мы потом тихо разошлись, как говорится, в разные стороны... Он увлекся другим и стал вольным казаком, уехал на Тайвань.

Г: С кем из зарубежных синологов доводилось сотрудничать?

¹²⁸ Ганшин Владимир Георгиевич (1951-2011). Китаевед, к.и.н. (1979). Окончил ИСАА при МГУ (1973). Спецкор АПН, газеты «Известия» в Монголии и Северной Корее (1973-1991). Научный сотрудник ИДВ РАН (2000-2011)

¹²⁹ Переломов Леонард Сергеевич (1928 г.р., Владивосток). Китаевед, д.и.н. (1970), профессор. Окончил МИВ (1951). Сотрудник ИК АН СССР (с 1955) Сотрудник ИДВ РАН с 1971. Президент Русского конфуцианского Фонда, член Правления Международной Конфуцианской Ассоциации. Исследователь древнекитайской философии: легизм, конфуцианство и др. Заслуженный деятель науки РФ

¹³⁰ Малявин Владимир Вячеславович (1950 г.р., Москва). Востоковед (китаевед), историк, философ. Д.и.н.(1988), профессор. Окончил ИСАА при МГУ (1972). Преподавал в ИСАА при МГУ (1975-1988). Работал в институте этнографии РАН (1985-1991). Профессор университета Тамкан (Тайвань, с 1997). Специалист по древнекитайской философии, культуре и этнической истории Китая. Интервью с В. В. Малявиным для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

Т: За прошедшие 60 лет моей карьеры востоковеда-китаевода мне посчастливилось встречаться, сотрудничать, участвовать в совместных проектах со многими выдающимися коллегами востоковедами, китаистами. Их перечень занял бы немало места. В те годы, когда связи с китайскими коллегами были исключены, а это начиная с 1965 по 1985 годы, я активно взаимодействовал и сотрудничал со многими синологами восточно-европейских стран, Франции, Восточной и Западной Германии, США, Японии, Индии, позднее Вьетнама и Кубы. Среди них я тепло вспоминаю контакты с польскими политологами докторами З.Закшевским, С. Бурским, видного французского коллегу проф. Марианну Бастид-Брюгье, учеными из ГДР доктором Брино Маловым, профессорами Х.Петерсом, Р.Фельбером, Х.Крюгером.

В конце 60-х годов меня познакомили с легендарной личностью в истории китайской революции 30-х годов – Отто Брауном, известным также под китайским псевдонимом Ли Дэ. Беседы с ним, а затем знакомство с его воспоминаниями о контактах практически со всеми лидерами КПК и советских районов Китая, чрезвычайно обогатили меня и позволили по-новому взглянуть на ряд важных событий в истории КПК 30-х годов XX века.

Очень поучительными для меня были многократные встречи со знаменитым профессором Университета в Беркли Р.Скалапино. Я посещал его в Университете и мы до его кончины обменивались «краткими самоотчетами» о работе.

После прихода в Институт мне удалось установить весьма содержательные и значимые по своим практическим последствиям связи с Центром контроля стратегических вооружений Стэнфордского Университета, который возглавлял тогда замечательный синолог проф. Дж. Льюис. Он оказался глубоким знатоком Китая и стран Восточной Азии, особенно военно-политических проблем этого региона, включая ситуацию на Корейском полуострове. Вместе с его выдающимися коллегами – проф. Дж. Гудби, проф. Холзвэем, проф. Блэйкером, даже с участием Уильяма Перри, который впоследствии стал министром обороны США, мы в течение нескольких лет вели углубленный диалог по проблемам ситуации на Корейском полуострове и стратегическим аспектам положения в СВА. После распада СССР эти контакты, к сожалению, затухли.

На конференции в Токайском Университете в 1978 году я познакомился и потом поддерживал в течение ряда лет научные контакты с видным японским политическим деятелем и ученым проф. Суецугу. В те же годы у меня

сложились добрые отношения с видным японским синологом-историком проф. Ямада.

В 1986 году во время научной конференции ректоров университетов и директоров институтов стран АТР, инициатором которых выступал проф. С.Мацумаэ, он познакомил меня с ректором Ханьянского университета в Сеуле проф. Люн Чжун Кимом и видным южнокорейским синологом профессором того же Университета и одновременно руководителем Института Китая и России при Ханьском университете Ю Сэ Хи. Это знакомство положило начало нашим совместным усилиям по установлению дипотношений между СССР и РК, что и произошло в 1990 году, а также продолжающемуся по сей день плодотворному дружескому сотрудничеству ИДВ РАН с учеными Ханьянского Университета, ныне возглавляемого сыном покойного Люн Чжун Кима – проф. Чон Ян Кимом. В ходе сотрудничества с Университетом Дж. Вашингтона я познакомился с рядом южнокорейских ученых, включая проф. Янг Кима, Чан Ен Бана.

Тогда же мне пришлось активно сотрудничать с выдающимся ученым и общественным деятелем Японии президентом Токайского университета проф. Сигуэси Мацумаэ, который одновременно возглавлял тогда Общество Япония-СССР. Из выдающихся зарубежных китаеведов, конечно, для меня очень интересна была работа с профессором Свободного Берлинского Университета Го Хэнь-юем и профессором М.Лейтнер, с которыми мы осуществили исторический прорывной проект – издание совершенно секретных документов Коминтерна, которые были совершенно секретными. Российской стороне удалось их рассекретить и научно обработать. И потом при материальной и творческой поддержке этих наших друзей, издать семь томов документов, которые закрасили жизненными цветами многие «белые страницы» новейшей истории Китая. Большую помощь в работе по дешифровке многих документов на немецком и китайском языках оказал нам проф. Фельбер.

Г: Как его звали?

Т: Роланд Фельбер.¹³¹ Конечно, стоит сказать о таком ученом, как польский китаист Р.Славински.¹³² Хочу обязательно вспомнить добрым словом

¹³¹ Фельбер Роланд – Родился ок. 2-й пол. 1930х, умер – в 2000х. Профессор Гумбольдтского университета в Берлине, ГДР/ФРГ (1970-2000). Область интересов – экономика древнего Китая, проблемы современного Китая и Тайваня. Автор многих работ по истории Китая в XIX-XX вв. и истории связей между Китаем и Германией

¹³² Славински Роман – польский синолог, профессор Варшавского университета. Сфера интересов – новая и новейшая истории Китая. Родился примерно в начале 1930х. На пенсии (по сообщению С. Кучеры)

выдающегося французского китаевода Марианну Бастид,¹³³ от которой мы получали мудрые советы.

В 2000 г. ИДВ РАН выступил инициатором проведения регулярных встреч ученых и экспертов-дипломатов России, Индии и Китая. Наши коллеги из Китая и Индии поддержали этот проект. Так возникла новая диалоговая структура РИК, ныне приобретающая три ступени – научно-экспертные встречи на уровне министров 3-х стран и встречи РИК на высшем уровне. Эта платформа стала также толчком для возникновения диалоговой структуры сначала БРИК, а затем и БРИКС. Мои контакты с китайскими и индийскими коллегами и ныне носят очень содержательный характер. Регулярные встречи с китайскими коллегами с проф. Цюй Синель, Цзи Чжи-е, а также индийскими учеными проф. А.Ачария, проф. В.Кханна, проф. Дешпанди очень обогащают нас новыми знаниями и подходами.

Г: Скажите, а Илья Михайлович Ошанин¹³⁴ присутствует в Вашем списке?

Т: Да, безусловно. Он присутствует в моем списке как учитель и коллега.

Г: Какую роль он сыграл в Вашей жизни?

Т: Когда я пришел на работу в Отдел ЦК, вскоре одним из первых моих визитеров из среды ученых коллег был как раз Илья Михайлович Ошанин. Он работал над Большим китайско-русским словарем. Этот фундаментальный четырёхтомный труд был завершен в конце 1970х годов, а в 1984 году получил Государственную премию. Ошанин пришел ко мне, как говорится, «со слезницей». Из-за недостатка кадров работа над словарем шла трудно. По его словам, руководство института востоковедения (Б.Г. Гафуров¹³⁵) не помогает, так как не совсем понимает значение этой работы, которую начал ещё великий

¹³³ Бастид-Брюгьер, Марианна (Bastid-Bruguière, Marianne, 1940 г.р.). Французский синолог, член Французской академии

¹³⁴ Ошанин Илья Михайлович (1900-1982). Китаевед-лингвист. Окончил МИВ (1924). Д.филол.н. (1947), профессор (1948). Сотрудник торгпредства СССР в Китае, аппарата военных советников в армии *Фэн Юй-сяна* (1924-1926), генконсульства в Шанхае (1927), посольства СССР в Китае (1933-1939). Сотрудник УТК им. Сунь Ят-сена в Москве. Преподаватель МИВ (1931-1942), ВИИЯ (1942-1957), ВДШ МИД СССР (1939-1955). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1945). Редактор 4-томного Большого китайско-русского словаря (М., 1976-1978). Лауреат Государственной премии СССР (1982)

¹³⁵ Гафуров Бободжан Гафурович (1908-1977). Видный деятель КПСС, востоковед. Академик АН СССР (1968). Сотрудник (1936-1946), 1-й секретарь (1946-1956) ЦК КП Таджикистана. Директор ИВ АН СССР (1956-1977). Лауреат премии им. Дж. Неру (1968). См. Гафуров Б.Г.: История таджикского народа в кратком изложении. Т.1. М., 1955

китаевед, академик Василий Михайлович Алексеев.¹³⁶ После нашей беседы я доложил о возникших трудностях, а руководство сообщило Гафурову, что подготовка словаря рассматривается, как очень важное государственное дело. Более того, была дана команда, чтобы Илья Михайлович передал часть росписей словарных карточек для обработки сотрудникам Института Дальнего Востока. И они помогали в работе над карточками и над формированием словарного запаса словаря. Вообще, он обладал очень богатым опытом и, конечно, имел глубочайшие знания китайского языка. Так что, с Ильей Михайловичем у меня были очень добрые и самые тесные отношения до самых последних дней его жизни.

Г: Сегодня ко мне подошла одна польская коллега, китаевед и лингвист, которая сказала, что, по ее мнению, словарь Ошанина – самый лучший в мире из подобных словарей. При этом она задала интересный вопрос о том, продолжается ли работа над этим словарем?

Т: К сожалению, нет. Хочу сказать, что это одна из серьезнейших проблем, которую необходимо решать в ближайшие годы – именно в ближайшие годы! – в срочном порядке, в качестве важнейшей академической, китаеведческой программы. По распределению обязанностей это дело числится за Институтом Востоковедения, так как почти все языковеды сосредоточены в Институте Востоковедения. Но это громко сказано – сосредоточены. Их там, по-моему, по пальцам можно пересчитать. В общем, я уверен, что нам надо просто встретиться с нашим уважаемым коллегой В.В. Наумкиным.¹³⁷ Наш институт готов подключиться к этой работе, потому что есть такая необходимость. Ведь современный китайский язык меняется буквально на глазах. Появляется огромное количество новых слов и терминов, которые не отражены ни в каких, даже в китайских словарях, изданных несколько лет назад. Поэтому составление словаря очень актуально!

Ещё я уже говорил, что для понимания китайской действительности необходимо знать «шифр» китайских документов. Потому что для нас является

¹³⁶ Алексеев Василий Михайлович (1881-1951). Китаевед (литературовед, историк, знаток культуры Китая). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1902). Работал в Англии, Франции, Германии, Китае (1904-1909). Академик АН СССР (1929). Преподаватель СПбУ/ЛГУ (1910-1951). Сотрудник Азиатского музея / ИВ АН СССР (1902-1951). Член американской Академии политических и социальных наук (1923). Член Союза писателей СССР (с 1947)

¹³⁷ Наумкин Виталий Вячеславович (1945 г.р.) Востоковед-историк, арабист, исламовед, политолог. Д.и.н., профессор, членкор РАН (2012). Директор Института востоковедения РАН (с 2009). Член научного совета Российского совета по международным делам (с 2011)

необычной логика составления и выражения многих решений, мыслей и политических формул китайского руководства, которые выражаются различными «нумерологическими» шарадами. И эти «шарады» тоже нужно включать в словарь. ... Например, что такое «5 хорошо»? Что такое «8 прекрасных» и «8 отрицательных»? Это формула товарища Ху Цзинь-тао. А что такое «5 направлений» или «4 принципа»? И этих «нумерологических» загадок – их огромное количество! Меня, как специалиста, как друга Китая и председателя общества дружбы в известной мере заботит и беспокоит этот язык. Складывается впечатление – я буду рад, если ошибаюсь – что у высшей элиты или у определенного слоя китайских кадровых работников формируется свой собственный язык, который простые люди, простые китайцы и рядовые кадровые работники не могут понять без справочников и специальных толкователей.

Это тревожное явление. Если Китай говорит, что строит «социализм с китайской спецификой» – очень хорошо, дай Бог вам успех! Но возьмите труды того же Мао Цзэ-дуна, труды того же Лю Шао-ци, возьмите выступления Чжоу Энь-лая, Ху Яо-бана, Дэн Сяо-пина. Читая их – вы их поймете. Если там говорится про «4 хорошо», то тут же говорится, что это такое – «4 хорошо». Сейчас употребляется «4 хорошо», но никакой расшифровки не дается. Считается, что все знают, что такое «3 важных принципа». Конечно, высшие кадровые работники, которые прошли партийную учебу, знают про эти «3 важных принципа» сформулированные президентом Цзян Цзэ-минем. Но надо найти популярную форму, чтобы эти «нумерологические» построения излагались одновременно и языком, понятным для каждого простого читателя. В противном случае получается разрыв понимания между руководящим слоем среднего и высшего звена и низшими слоями населения. Это не есть хорошо, короче говоря.

Г: Понятно. Вы уже говорили, что написали книгу про будущее Китая до 2050 года. Это долгосрочный прогноз, учитывающий широкий спектр возможных вариаций. Рассматриваются ли в рамках этого спектра вероятность перехода от современного «стратегического партнерства» к, допустим, «стратегическому соперничеству»?

Т: Хотел бы сказать, что эта книжка – результат коллективного труда. Я лишь один из главных «идеологов» этой книги, формировавший структуру и содержание прогнозов. Но в работе принимали участие и другие мои коллеги, поэтому это не чисто индивидуальная работа.

Г: Коллективный такой «мозговой штурм»?

Т: Мозговой штурм. Завершать его мне пришлось вместе с Борисом Николаевичем Кузыком. В этой работе дается научный прогноз, а также различные модели и варианты, которые могут возникнуть в развитии Китая, в случае возникновения различных ситуаций, проведения различной внутренней и внешней политики, с учетом экологических факторов, и т.д. Но в этом прогнозе везде присутствует «если». То есть, он не абсолютный и не непререкаемый.

Г: То есть, это вероятностный прогноз?

Т: Он вероятностный, с очень высокой долей позитивности. Вместе с тем, мы учитывали и возникшие в ходе политики реформ новые социальные явления, а именно – очень сильное социальное расслоение общества, имущественную дифференциацию, противоречия и различия между городом и деревней, между доминирующей нацией - ханьцами и другими «национальными меньшинствами», а также между центром и регионами в Китае. Эти уже упоминавшиеся мною «5 разрывов», которые создают угрозу подрыва стабильности. А стабильность – это гарантия развития. Перед китайским руководством стоит очень сложная задача – найти баланс взаимоотношений между поддержанием стабильности и введением различных инноваций, новых реформ. Сейчас возникла ситуация, когда стабильность, поддерживавшаяся последние 30 лет в ходе «реформ и открытости», уже себя практически исчерпывает, если не исчерпала уже, в плане содействия конструктивному развитию.

И сейчас нужно найти новую форму, новую социальную, экономическую, духовную и экологическую базу для обеспечения дальнейшей стабильности. Как китаевед, я считаю, что перед Китаем стоит очень трудная, но и очень почетная миссия. Это будет вкладом Китая в историю мирового социального прогресса – выработать собственную модель потребления, собственную модель экономических, духовных, нравственных ценностей и развития общества. Потому что сейчас они пока идут по пути подражания, копирования, реализуют «догоняющую» модель американского образца, модель западного потребительского общества. Но Китай – не Америка не только в том смысле, что Китай в 5 раз экономически отстает от США, и не только в том, что в Китае в 5 раз больше населения, чем в США. Уровень политической, духовной и производственной культуры, а также материальные возможности общества в Китае и США тоже слишком различаются. Если при этом следовать модели потребительского общества, в основе которого лежат неограниченные индивидуальные потребности во всех формах социального бытия – личная

машина, личный дом... всё личное, всё индивидуальное, то тогда всё это нужно тоже умножить на 5! Это создаст для Китая колоссальные потребности в астрономических объемах всех природных ресурсов. А где их взять? Если собрать 1,3 миллиарда автомобилей, помноженные на два, то где их тогда поставить? Какое количество дорог нужно проложить, чтобы они могли разъехаться? И вообще, куда на них двигаться, даже если брать за основу американский эталон – по 2 машины на каждую семью?

Г: Сегодня мы все с удовлетворением отмечаем, что наши страны и народы уже преодолели «пропасти» вражды и «овраги» разногласий. Но, всё-таки, что, на Ваш взгляд, пока еще разделяет обе страны?

Т: Я считаю, что самым большим достижением дипломатии и политики руководителей наших двух стран – это снятие тех политических противоречий, которые десятилетиями отравляли наши отношения. Это, прежде всего, снятие вопроса о некой взаимной угрозе и решение долго не решавшейся пограничной проблемы... Все эти вопросы сняты. Ни Китай России не угрожает, ни Россия Китаю не угрожает. В этом смысле даже предприняты «сверхмеры», которые, с точки зрения разумности, даже порой и не нужны. С точки зрения обычной жизненной безопасности, например, держать вооруженные силы на 500 км от границы, не угрожая никому, это...

Г: Также излишняя предосторожность?

Т: Это излишняя предосторожность. Последним главным препятствием или сдерживающим фактором являются... разные уровни развития, разные уровни потребления, отсутствие взаимопонимания и доверия в плане экономической стратегии и использования фактора взаимодополняемости. Понимаете, это такая близорукость ... Не знаю даже, какой тут лучше термин употребить. Нельзя искать выгоды лишь сегодняшнего, в лучшем случае завтрашнего дня, но не далее того.

Г: Это недальновидно?

Т: Стремление получить немедленную выгоду мешает и той, и другой стороне посмотреть на дальнюю перспективу. Строить большие планы на развитие инфраструктуры Сибири, например. Возьмите БАМ и ТРАНСИБ. С одной стороны БАМ почти не работает, или работает с очень слабой нагрузкой в силу того, что до сих пор не доведен до нужных кондиций, как современная железная дорога. А ТРАНСИБ, напротив, перегружен внутренними перевозками, некоторые его участки вообще до сих пор не модернизированы. Например, участок в районе Забайкальска остается в первобытном состоянии ещё с тех пор, когда его построил Витте, со времён Витте и Столыпина. Только

сейчас там где-то, наконец, ведутся работы по его электрификации и модернизации. Но там надо проложить вторую колею. Ведь это же главная железнодорожная линия, по которой идет транспортное и торгово-экономическое сообщение между Китаем и Россией. Все другие грузы идут через Африку и прибывают в Финляндию. Мы получаем товары из Китая через Финляндию и Балтийские порты. Сами понимаете, насколько это нецелесообразно и невыгодно...

Г: Нехватка современной инфраструктуры, конечно, разделяет нас.

Т: Вот! Кроме того, у нас до сих пор не отлажена система осуществления финансовых расчетов в национальных валютах, в рублях и юанях, а не в переводных швейцарских франках. Отладка всех этих механизмов финансово-экономического сотрудничества требует понимания того, что сегодняшние затраты обязательно дадут отдачу через какое-то время. И что нужно действовать не откладывая, прямо сейчас, и не бояться каких-то ошибок, просчетов и временных проблем. Всё это необходимо, других вариантов нет.

Г: Спасибо. Позвольте задать Вам ещё пару личных вопросов. Сегодня, когда Вы оглядываетесь на пройденный путь, на свою профессиональную карьеру, есть ли какие-то сожаления или даже разочарования по поводу того, что что-то очень хотелось, но не удалось сделать? Или что-то сделали, но не так? Есть ли какие-то такие моменты, о которых Вы сожалеете задним числом?

Т: Вы знаете, Я как-то сразу так и не вспомню..

Г: К примеру, сегодня наш коллега Сергей Дмитриев упомянул одного западного синоведа, которому он сообщил про проект «Китаеведение – устная история». В ответ французский коллега написал: «Познакомившись с Вашим проектом, я сожалею о своих учителях, которые ушли из жизни незаписанными в таких интервью»...

Т: Конечно, я тоже сожалею о чем-то. Больше всего сожалею, что мои юношеские надежды на очень благоприятное развитие советско-китайской дружбы начали развеиваться на рубеже 1960х, а также о тех печальных событиях, которыми сопровождалась наша отношения в период «культурной революции». Это главное. Я сожалею, что, после распада СССР многие идеи, которые мы предлагали нашему высшему руководству по развитию Сибири и Дальнего Востока, по развитию международного сотрудничества с нашими соседями – Китаем, двумя Кореями, Японией, Вьетнамом, Индией – они так и не были услышаны. Они остаются еще в значительной мере не услышанными и сейчас, потому что проекты программ развития составляются чиновниками. Часто создание этих программ поручают неким непрофессиональным

«кооперативам» так называемых ученых, и даже «неученых». А наука – и китаеведение, и экономическая наука, в том числе экономика развития регионов, часто остаются на обочине, сторонними наблюдателями или какими-то второстепенными соучастниками. При этом главные идеи, которые выдвигаются наукой, в том числе нашим институтом (например, в уже упомянутой работе «Россия и Китай – 2050 год: стратегия соразвития»), остаются неслышанными. Они остаются неслышанными и в высших эшелонах власти, и на уровне регионов, в том числе главами регионов, которые сосредоточили всё своё внимание, как я уже сказал, на решении каких-то сиюминутных текущих проблем. Отсутствует стратегическое видение проблем... Меня очень огорчает и то, что многократное выдвижение В.В. Путиным идеи о необходимости обратить взгляды на Восток и понять, что Россия – это Евроазиатская тихоокеанская держава, не получило должной поддержки ни представителей деловых кругов, ни правящих кругов в регионах. Он уже трижды повторил этот призыв. Уже став в третий раз Президентом, в своих указах от 7-го мая 2012 года Путин снова всё это озвучил. Но движется это всё чрезвычайно медленно. Между тем, проблема развития Сибири и Дальнего Востока – это ключевая проблема реализации идеи «нового евразийства». Меня такое инертное отношение общества, так называемой «элиты», конечно, расстраивает. К сожалению, качество нашей «элиты», которая образовалась после распада СССР, вызывает порой большие сожаления мнения. Потрясающий непрофессионализм многих руководящих лиц вызывает, конечно, глубокое сожаление. Порой просто руки опускаются, хочется куда-то бежать в тайгу...

Г: Боюсь, тайга нас не спасет. Но и у Вас, выходит, тоже бывают отшельнические настроения.

Т: Когда общество и дух не находят здорового проявления в делах людей, то отсюда и появляются отшельники, потому что им уже просто тяжело смотреть на все эти безобразия. Честно Вам скажу, хочется взять книжки Мо-цзы, уехать и стать отшельником. Иногда приходят такие мысли.

Г: Эти мысли только сейчас приходят, или раньше тоже приходили?

Т: Они и раньше приходили. Но в последнее время все чаще приходят, когда видишь как слова и дела расходятся с делом.

Г: Очень порадовало, что Вы хотели бы встретиться с директором Института Востоковедения В. В. Наумкиным и обсудить какие-то возможные совместные проекты. Они, конечно, уже были, есть и будут вестись. Но, наверно, стоит ещё больше усилить это взаимодействие!

Т: Каждый должен заниматься своим делом. Институт Дальнего Востока был создан для разработки и изучения современных проблем развития наших отношений, прогнозирования наших отношений, и т.д. Пожалуйста, мы готовы и сотрудничать, и соперничать, если хотите. Кто лучше сформулирует – пожалуйста! Но надо исходить из реальных возможностей. При том скудном кадровом резерве, который у нас есть, нам нельзя разбрасываться. Нам нужно сосредоточиться каждому на своем. Повторять, просто механически дублировать друг друга, заниматься одним и тем же и там, и там, при отсутствии кадров всё же нет смысла... когда много кадров, тогда этим можно заниматься.

Г: Ну, речь идет не о том, чтобы просто дублировать, а о том, чтобы творчески сотрудничать, дополняя друг друга.

Т: Я именно так считаю! Вот, в изучении истории у нас есть какие-то свои подходы, и мы готовы с вами сотрудничать. Когда мы составляли энциклопедию «Духовная культура Китая», мы пригласили от вас всех, кого можно было к этому делу пригласить.

Г: Отлично!

Т: Так было и когда составлялся четырехтомный Большой словарь Ошанина. Вот и сейчас стоит острая необходимость подготовки нового издания Большого Словаря. Здесь, конечно, должны принять главное участие ваши языковеды. Один языковед есть и у нас – это Завьялова,¹³⁸ которая написала и издала в «год китайского языка в России» блестящую книжку «Большой мир китайского языка». Она и другие товарищи из Центра Цивилизационных Исследований нашего института, конечно, могут принять участие, наряду с вашими. Но я считаю, что эту работу, безусловно, должен возглавить ваш институт.

Г: А если не возглавит?

Т: Если Вы не сможете это сделать, то тогда придется нам братья за эту работу. Но я еще раз говорю, что в одиночку мы это сделать тоже не можем! Еще раз подчеркиваю, что вопрос о Словаре – это вопрос будущего нашего китаеведения. И развития нашего понимания. Сейчас, вот, надо переводить литературу, надо подготовить отряд переводчиков – потому что у нас нет переводчиков. Пальцев одной руки хватит, чтобы перечислить тех переводчиков, которые способны давать синхронный перевод. Вы согласны со мной?

¹³⁸ Завьялова Ольга Исааковна (1947 г.р.). Китаевед, д.филол.н. (1992). Окончила Востфак ЛГУ (1971). Научный сотрудник ИДВ РАН (1971-1981 и с 1987). Вела научную работу в Японии (1981-1987)

Г: Согласен!

Т: Ну, вот! Разве это нормально? Сейчас поставлена задача – китайцы не знают нашу литературу. Они знают Федина, знают Фадеева, они знают Николая Островского – «Как закалялась сталь». Они знают Фурманова, Некрасова, Пушкина, Чернышевского и т.д. А кто из современных российских писателей известен в Китае? Я не говорю про писателей специфического направления. Но китайцы в целом не знают нашу современную литературу. Точно также и мы очень плохо знаем китайскую литературу. Из современных – кого мы знаем? Разве что Ван Мэна, Фэн Цзи-цзя и лауреата Нобелевской премии Мо Яня.

Мы знаем целый ряд классических романов: «Речные заводы», «Троецарствие», «Сон в Красном тереме», сочинения Лу Синя, Ба Цзиня, Лао Шэ, Го Мо-жо, Ай Цина, Чжао Шу-ли,¹³⁹ и других классиков. А где современная литература? Где современное искусство? Где современная музыка? Где обмены концертами? Где это всё? Даже когда приезжает первоклассный коллектив, мы не можем собрать для него достойную аудиторию. Не так давно общество российско-китайской дружбы и я, как его председатель, помогали нашим китайским друзьям в организации Дня культуры провинции Цзилинь. Они прислали прекрасные творческие коллективы – потрясающе коллективы первоклассного, мирового уровня. Нам же приходилось убеждать и доказывать, что это будет интересно, что будет прекрасный концерт. Потому что люди просто не знают, что можно ожидать. Потом эти самые люди, которых мне приходилось по часу уговаривать, подходили говорили: «Михаил Леонтьевич, спасибо! Я, действительно, даже представить не мог, что будет такой симфонический оркестр в какой-то провинции Цзилинь!» Вот, и такое незнание есть, к сожалению....

Г: Как Вы видите наши будущие отношения с Китаем? Какие можно выразить пожелания?

Т: Про наши будущие отношения я бы хотел сказать, что вижу здесь светлые перспективы, но путь будет извилистый. Политических проблем теперь нет, но они могут возникнуть, если мы не проявим понимания и дальновидности в оценке путей развития отношений между нашими странами и иных поворотов событий в каждой из наших стран. Я считаю, что нам нужно выработать стратегию соразвития. Равноправного, взаимовыгодного, взаимовыигрышного соразвития, дружбы без панибратства, без какого-либо заискивания, без всяких поддавков.

Г: И без похлопываний по плечу.

¹³⁹ Имена знаменитых китайских писателей, поэтов и ученых XX в.

Т: Без похлопывания по плечу. Нужно понять, что в лице Китая мы имеем дело с великой новой, становящейся, очень гордой, очень богатой традицией, с очень глубоким самосознанием своей культурной идентичности нацией. Нужно найти глубинные темы для сотрудничества в экономике, культуре, международных отношениях. Нужно выработать стратегию взаимной адаптации и учета, я бы сказал, бережного отношения к интересам друг друга. Если хотите, нужно быть очень внимательным даже к «любимым игрушкам» друг друга. И стараться избегать наступать на «любимые мозоли». Это и есть союзничество без панибратства.

Г: Я бы сказал – не нисходить до дружбы, а восходить к ней.

Т: Да. Теперь нужно понять, что наши современные и будущие отношения – уже не отношения «старшего и младшего брата». Кстати, не мы, не СССР предложил Китаю модель «старшего-младшего брата». Это китайские товарищи предложили. Первоначально и Сталин, и даже Хрущев сопротивлялись этому подходу. Конечно, Россия сегодня – это уже не Советский Союз, не сверхдержава. Хотя Россия – глобальная великая держава с богатым историческим наследием, великой культурой и великими народами, однако это не сверхдержава. Поэтому нам нужно определять сферу своей глобальной ответственности своими же новыми реальными возможностями. Ни мы, ни наши китайские друзья не должны ожидать, что Россия должна в чем-то быть зачинщиком или повторять Советский Союз. Мы не можем его повторять. Конечно, распределение ролей возможно. Но каждый должен действовать в соответствии со своими реальными возможностями и не переоценивать их. В целом, у российско-китайских отношений большое будущее. Эти не конфронтационные отношения. Это партнёрские отношения, построенные на учете и глубоком понимании интересов друг друга. Будучи не союзниками, а именно партнерами, стратегическими партнерами, мы должны налаживать глубочайшее взаимопонимание и взаимное доверие. При этом созданная между Россией и Китаем многослойная многоступенчатая система политических консультаций, начиная от уровня глав государств, глав правительств, и так далее, должна быть дополнена не менее эффективной системой народной дипломатии. В этой системе значительную роль должны играть научные сообщества, общества дружбы, частные контакты на уровне различных слоев общества. В заключение хочу подчеркнуть, что российско-китайское сотрудничество, взаимодействие, стратегическое партнерство являются гарантией территориальной целостности и безопасности обеих сторон. Они являются благоприятным фактором взаимного духовного, культурного и

экономического обогащения, а также важным фактором развития каждой из наших стран и наших народов.

Г: Это замечательные слова! В заключение позвольте поблагодарить Вас за интервью, которое длилось больше 5 часов, и пожелать Вам крепкого здоровья!

Т: Спасибо!